

Жертва или проклятие: Танец на звездах

Бренда Горст

18+

Бренда Горст

**Жертва или проклятие:
танец на гвоздях**

«Автор»

2026

Горст Б.

Жертва или проклятие: танец на гвоздях / Б. Горст — «Автор»,
2026

Он не просит. Он забирает. Питер Кнеллер — кукловод, для которого чужая воля — лишь топливо для его голода. Его магия ломает разум, а человеческие эмоции служат ему изысканным деликатесом. Страх хорош. Паника пьянит. Но смесь чистого презрения и концентрированной ненависти... Это вкус настоящей власти. Аня должна была стать венцом его коллекции — идеальным сосудом для богини и жертвой на её алтаре. План был безупречен. Но он не учёл одного: её существование оказалось для него важнее смерти. Ритуал предсказуем, а она — нет. И теперь бог тьмы сам попался в капкан, из которого выбраться невозможно.

© Горст Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	41
Глава 19	43
Глава 20	47
Глава 21	49
Глава 22	51
Глава 23	52
Глава 24	54
Глава 25	56
Глава 26	58
Глава 27	60
Глава 28	61
Глава 29	63
Глава 30	66
Гла	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Бренда Горст

Жертва или проклятие: танец на гвоздях

Пролог

Кнеллер привязывал руки и ноги девушки к кольям. Неторопливо и ловко, как всегда. Она зашевелилась, тихо застонала. Кнеллер равнодушно взглянул в её полные отчаяния глаза. Ещё одна, очередная, жертва. Ещё один скучный ритуал.

Баночка с краской стояла наготове. Изящная кисточка с резной ручкой ждала своего часа. Кнеллеру предстояла нудная работа: нанести на тело жертвы знаки перехода.

Цифры и глаза, пронзённые стрелами, на груди и животе. Извилистые линии на руках и ногах. Символ бесконечности на лбу. И его фирменный знак: начальная буква настоящего имени. "А" — как подпись художника на картине.

Девушка и была своеобразной картиной. Демонстрацией экзистенциального ужаса перед неизбежной смертью. Кнеллер чувствовал сладковатый аромат жасмина, забивающий ноздри. Так всегда пахнет страх. Безотчетный животный страх, парализующий волю.

Голая кожа девушки покрылась пупырышками и посинела. Это слегка портило картину, но, увы, Кнеллер ничего не мог поделать. Нельзя воздействовать магией на сознание жертвы в момент перехода.

— Девятьсот девяносто семь, девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять... — громко и чётко считал он.

Всё, подготовительные работы закончены. Он вытер пот со лба, потянулся к щеке девушки — погладить напоследок. Лина дёрнулась, пытаясь увернуться. Верёвки врезались в её запястья и щиколотки, не пуская. Она сдавленно мычала, но, к счастью, хотя бы не рыдала. Слезы, мольбы — от них так тошно, что хочется выть.

— Не волнуйся, всё произойдёт быстро, — пообещал он и встал с колен.

Книга уже лежала на подставке. Пожелтевшие страницы трепетали на ветру. Кнеллер открыл нужное место и принялся читать вслух на языке другого мира. На жертву он больше не смотрел.

Только произнеся последние слова, вновь кинул жадный взгляд на Лину — так звали жертву. Сейчас начнется самое интересное: её последние минуты в этом мире. Кнеллер знал: она будет кричать. Громко, невыносимо отчаянно. От боли и осознания неизбежного. А потом просто исчезнет — переместится в храм богини. Что там с ней дальше — не его печаль. Он уже сделал свою работу.

Лицо жертвы исказилось гримасой боли, и Кнеллер вобрал его в память. Когда всё закончится, он запечатлеет её эмоции на холсте. И в его коллекции появится очередной шедевр.

«Эта 999-я хороша, — рассеянно подумал он. — Но всё равно — слишком пресная. Может, со следующей повезёт».

Символы на ее теле пылали, заливая пространство ярким светом. От него не было спасения: напрасно жертва жмурилась и крутила головой. Впрочем, Кнеллера свет не тревожил. Он опасен лишь для смертных — не для него.

В воздухе запахло прогретыми на солнце свежевывстиранными простынями. Сияние затопило всё вокруг, а когда погасло, колья одиноко торчали в земле. Финита ля комедия.

Чуть позже Кнеллер сидел в своей тайной комнате и наносил последние штрихи на портрет Лины. Портреты остальных 999 жертв тоже были здесь. Поэзия боли и страха, приколотая кнопками к стене.

Кнеллер повесил новый рисунок, отошёл на пару шагов. Почти идеально.

Осталось выбрать последний образец для галереи: самый совершенный, самый достойный. Венец его коллекции душ и последнюю жертву для богини зари.

Привет, друзья!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА:

Если вы ищете классическую историю о том, как властный монстр ломает героиню ради слез — закрывайте вкладку. У меня другие правила игры.

Мой Герой (Кнеллер) получает удовольствие не от криков боли, а от запаха чесночной ярости на Вашей коже. Его заводит Ваш интеллект, когда Вы пытаетесь его переиграть.

Моя Героиня (Аня) не падает в обморок от голубых глаз. Она переворачивает шахматную доску, меняет фигуры местами и заставляет древнего бога чувствовать странный трепет в груди вместо привычного голода.

Но игра с темным богом не проходит бесследно, и даже самая светлая душа может испачкаться.

Ваша Бренда Горст

Глава

Глава 1

Боль пронзила тело. Она выкручивала внутренности, заставляла Лину выгибаться и дёргаться. Сердце забилося ещё быстрее, дошло до пределов возможного. И — замерло.

Голова мгновенно опустела, стала невесомой, а боль смешалась с тошнотой. Пространство вокруг исчезло, собственное тело растворилось. Вечность спустя девушка ощутила резкий толчок вниз. Холодная твёрдая поверхность ожгла колени, и лишь тогда Лина открыла глаза.

Неверяще уставилась на свои ладони, разрисованные символами. Подняла взгляд: она сидела на полу огромного зала с высокими сводами. Толстые замшелые колонны, густой аромат сандала. И свечи на полу, возле каменной статуи женщины в античном хитоне до пят.

Лина ошеломлённо разглядывала странное место. Сердце вновь билось в груди, колени саднило. Виски ломило, голова кружилась, как с похмелья. Раз ей так плохо, значит, жива?

Но где она? Как очутилась здесь, если секунду назад была во дворе? И куда делся Кнеллер?

Статуя вдруг зашевелилась, подмигнула ей. Каменные губы разошлись в улыбке, и повелительный голос произнёс:

— Добро пожаловать в храм богини зари, жрица номер 999. Не бойся, подойди ко мне.

Лина медленно встала, покачиваясь от слабости. Босые ступни свело от холода, а внутри всё сжималось под пристальным взглядом богини. Хотелось бежать прочь, но какая-то сила будто приклеила её к полу.

— Живее, жрица! Моё терпение не безгранично, — раздражённо бросила богиня.

Глаза её сверкнули алым, и Лину притянуло к статуе внезапно поднявшимся ветром.

— Дай мне руку, — приказала богиня.

Лина подчинилась, хотя её трясло от страха и холода. Каменная ладонь была мягкой и тёплой.

«Она... живая?» — вспыхнула и погасла мысль.

— У тебя больше нет прошлого, жрица, — снова заговорила богиня. — Но ты послужишь великой цели.

Богиня стиснула руку Лины, и девушка закричала. Кричала, пока тело истончалось, становясь полупрозрачным и бесцветным. Кричала, пока в голову лезли миллионы чужих мыслей, воспоминаний, эмоций. Кричала, пока не увидела сотни подобных себе существ, внезапно заполнивших зал.

Богиня отпустила руку Лины и зловеще улыбнулась.

— Осталась лишь одна. Одна жрица — и всё будет готово.

Улыбка медленно растаяла на её лице, и богиня снова замерла каменным изваянием.

Аня проснулась от собственного крика. Она рывком села на кровати: сердце колотилось, реальность медленно заполняла сознание.

Только что Аня была в храме, внутри этой девушки — Лины. Испытывала её боль, чувствовала её страх. И умирала вместе с ней.

Она не запомнила лиц — только ощущения. Но... ведь это был сон. Жуткий, отвратительный, но всего лишь сон. Так ведь?

Аня босиком прошлепала в ванную, умылась, глядя в маленькое зеркало на стене. В нём на мгновение мелькнул женский силуэт в длинном одеянии. Вздвогнув, Аня протёрла глаза — ничего, только ее бледное лицо и кафель. Показалось.

«Надо перестать смотреть ужастики на ночь», — с облегчением выдохнула она.

Вернулась в комнату, глянула на экран мобильного — и заметалась в поисках одежды.

«Вот блин, проспала. Кофе попить не успею», — пронеслось в голове.

Сон окончательно растаял, потеряв значение. Но осталось странное ощущение. словно еще шаг — и Аня запутается в паутине, которую плетет кто-то древний и очень могущественный.

Глава 2

Солнце, апрель, небо — голубое и прозрачное, как вода. И пахнет то ли весной, то ли... переменами. И они грядут, как сказал бы Пушкин. Осталось-то ерунда: защита диплома и госэкзамены. И всё — прощай, беготня по ресторану с тарелками, здравствуй, школа. Учитель русского языка и литературы. Звучит ведь, да?

Не то чтобы она ненавидела профессию официантки: ресторан элитный, зарплата сносная. На этом приятные моменты ее работы заканчивались и начинались мерзкие. Самый противный — масляные взгляды клиентов. И ладно бы только взгляды. Но некоторые почему-то считали официантку десертом к ужину. Отпор она, конечно, давала, но осадок-то оставался.

Терпеть боль и усталость было чуть легче, чем наглость посетителей. Но все равно — боль есть боль. После смены ноги гудели так, что хотелось засунуть их в ванну со льдом и держать так всю ночь. Это вам не в офисе штаны протирать и у кулера в перерыв толкаться.

Но, несмотря на все сложности, Аня делала свою работу хорошо: наблюдала, запоминала, старалась угодить клиентам. И улыбалась — всегда. Даже когда спина отваливалась и хотелось выть от тоски. Результат — самые щедрые чаевые. Конечно, Аня всегда делилась с любимыми коллегами. Пусть лучше завидуют ее щедрости, чем удачливости.

Если бы не чаевые, Ане было бы ещё труднее. Жизнь — бесконечная череда расходов: ипотека, продукты, новая одежда, туалетная бумага, в конце концов.

Девушка иронично усмехнулась, поправила сползшую с плеча лямку рюкзака. Не хватало не только денег, но и времени. Раньше, до гибели родителей, она больше общалась и даже занималась танцами. Теперь ее дни заполняли смены в ресторане, учеба и редкие прогулки по городу.

Может, стало бы легче, разреши она себе плакать. Но что толку лить слезы: разве так она вернет родителей? Или, может, рыдания помогут с ипотекой? Ведь нет? А раз так, то и нечего раскисать. Нытьё и вопли — роскошь для бездельников.

Светофор зажёгся красным, и девушка остановилась у края тротуара. Осталось перейти дорогу, потом повернуть налево — и вот он, «Золотой лотос». Заведение для тех, у кого водятся деньги, и немаленькие.

Автомобили на парковке ресторана стоили дороже, чем ее квартира. А возле них отирались охотницы за кошельками. Одинаковые, как под копирку: пухлогубые, пышногрудые, с разглаженными филлерами лицами. И, что самое удивительное, — мужикам это нравилось.

Они бы, наверное, оскорбились от такого наименования. Мужики — это там, на заводах, в гаражах и у алкомаркетов. Тут — мужчины в деловых костюмах с большими связями. Хозяева жизни, которые решают проблемы лёгким взмахом карточки. Пока люди готовы продаваться за золото, богачи всегда будут выходить сухими из воды. И Аня всегда будет их презирать — особенно после того случая...

Такой вот придурок на сером «Бентли» оборвал жизни её мамы и папы. А сам что? Правильно, ничего. Ошибся мальчик, бывает, права купил — мозги не купил. В общем, отмазал папаша сыночка, и дело с концом. Хотел Ане денег сунуть, да она не взяла. Еле сдержалась, чтобы не плюнуть ему в рожу. Никакие деньги не вернут ей родителей.

Аня никогда не забудет тот звонок и бесстрастный чужой голос в трубке.

— Анна Васильевна Орлова? Ваши родители попали в автокатастрофу. Примите мои соболезнования...

Аня тогда ехала в автобусе и чуть не свалилась на пол — салон завертелся каруселью. Кто-то подхватил её, усадил на сиденье и брызнул в лицо водой. Её сердце словно проткнули ножом, а разум отказывался верить. И даже теперь, спустя полгода, Ане казалось, что родители

просто уехали в путешествие и вот-вот вернутся. А урод, который в них врезался, может быть, ходит в такой же ресторан. Наслаждается трюфелями и элитным вином.

Аня вытащила из сумочки телефон. Вот черт, планерка через семь минут! А еще надо добежать до ресторана и переодеться. Раньше Аня никогда не опаздывала. Но сегодня что-то пошло не так.

Светофор вспыхнул зелёным, и Аня побежала. Получить от администратора выговор — такое себе удовольствие. Она представила, как Савелий отчитывает ее за опоздание:

— Анечка, дорогая, ты правда хочешь вылететь из лучшего ресторана в городе? И лишиться неприлично огромных чаевых? А, моя красавица?

Савелий всегда называл её красавицей, иронически улыбаясь. Русоволосые хрупкие девушки с серыми глазами его не привлекали. Ему нравились пышногрудые блондинки с точёной талией и восторженным обожанием во взгляде. Такие легко велись на его незамысловатые подкаты. Пять минут — и дело в шляпе: девица довольна, Савелий тем более.

Вообще-то Аня нисколько не жалела о своей непохожести на женский идеал администратора. Не трогает — и хорошо, так спокойнее. Начальник не всегда разделял рабочее и личное.

Всё-таки она успела, заскочив в ресторан за пять минут до планёрки. Быстро натянула форму, вымыла руки, засунула ручку и блокнот в карман.

— По грани ходишь, Анька, — бросила мимоходом заклятая приятельница Жанна. — Повезло, что Савелий сегодня сам опоздал.

— А ты ему разве еще не наябедничала? — усмехнулась Аня. — Нет? Странно. Ты не заболела часом?

Жанну так и перекосило от злости. Она открыла рот, чтобы выплеснуть яд наружу, но не успела: в раздевалку вбежал Игорь, ещё один официант.

— На планёрку опаздываем, девочки. Савелий рвёт и мечет. Алка опять фужеры разбила.

Жанна резко развернулась и стремительно выбежала из раздевалки, бросив на Аню уничижающий взгляд.

— Что, снова поцапались? — посочувствовал Игорь. — Если что, ты скажи, я ей мигом мозги на место вправлю.

— В женские разборки полезешь? Оно тебе надо? Спасибо, я как-нибудь сама.

Игорь недовольно нахмурил брови.

— Ты с этим своим самолюбием не перебарщивай, Ань. Жанка от тебя не отстанет.

— А это уж мои проблемы, — огрызнулась девушка, но, заметив, как поморщился парень, добавила: — Да всё окей, Игорёк, чего ты? Помощь пока не требуется.

— Ты всё-таки подумай, Аня. У меня на Жанну и компромат есть. Выгонят как миленькую. «Жанна Викторовна, Вы здесь больше не работаете».

Игорь произнёс это голосом Савелия и даже указательный палец выставил, как это делал администратор, когда увольнял кого-нибудь.

Девушка прыснула в кулак — так забавно он спародировал начальника.

— Понял, принял. Страшный ты человек, Игорёк. Ой, что-то мы заболтались, — спохватилась она, поднимая левую руку с часами.

Стрелка стремительно отсчитывала последнюю минуту до планёрки. Аня наспех заправила волосы за уши и потянула Игоря за рукав.

— Побежали, а то вылетим вместо Жанны.

Глава 3

Савелий покосился на влетевших в зал Игоря и Аню, но, занятый отчитыванием Алки, просто погрозил кулаком в их сторону. Стоимость посуды его сейчас волновала гораздо больше.

— Ты вообще знаешь, сколько за фужеры заплачено? — гремел по залу его баритон. — Второй раз за месяц бьёшь. Уже из зарплаты вычитать нечего! Следующий разбитый фужер станет для тебя последним. Понятно тебе, рукожопая? Не слышу!

Алла проямлила что-то невразумительное, и Савелию пришлось переспрашивать несколько раз, прежде чем он разобрал слова.

— Я не виновата... он сам выскользнул... я только хотела протереть.

— Нет, ну вы посмотрите на неё! — всплеснула руками Жанна. — Она ещё и оправдывается. Под дурочку косит!

Аня вообще-то тоже не любила таких: разбила, так не выпендривайся. Но Алке и так от Савелия досталось, а тут ещё Жанка со своими репликами!

— А ты у нас, значит, молодец, — шепнула Аня в смуглое ухо с гвоздиком-серёжкой. — Всегда всё делаешь идеально.

Жанна напряглась, сжала кулаки, но повернуться не могла — Савелий бы не простил. Поэтому она протянула правую ладонь назад и медленно разогнула средний палец, оставив остальные прижатыми. Вот так, значит, далеко и надолго послать решила!

— Тихо, девочки, не ссорьтесь! — Это снова вступил Игорь. — Сами ж видите, какая у нас Алка. Так уж ей не повезло... недотёпой уродилась.

По голосу было не ясно, шутит он или говорит всерьёз. Но обстановку разрядил отлично: Жанна язвительно хмыкнула и отошла в сторону. Аня незаметно тронула Игоря за руку и прошептала:

— Спасибо. Спаситель ты мой.

Парень покраснел и разулыбался как дурак. Какой он смешной всё-таки, этот Игорь.

Поорав на Алку, Савелий выдохся и не стал разносить ещё и Аню. Наскоро проговорил последние инструкции и скрылся в своём кабинете. Началась очередная рабочая круговерть.

До позднего вечера Аня металась между залом и кухней с подносами и улыбалась, улыбалась... Щёки сводило от боли, ноги отекали и ныли, а в ушах звенело от стука столовых приборов, голосов и музыки. Оставалось два часа до закрытия, когда в зал вдруг вошёл он.

Порыв ветра ворвался в распахнутую дверь. Аня обернулась: на пороге стоял посетитель, и с ним явно было что-то не так. Мужчина выделялся среди гостей и работников ресторана, как король среди подданных. Высокий рост, безупречная осанка. Хвост светлых волос пшеничного оттенка. Черты лица — резкие, слишком симметричные. В голубых глазах — лед, смертоносная сила и... скука. Словно он устал от жизни и от себя.

Другие, кажется, этого не замечали: оживлённо беседовали гости, бегали туда-сюда с подносами официанты. Один даже чуть не врезался в девушку, но успел отскочить.

— Не стой столбом, малахольная. Не слышишь, тебя зовут, — беззлобно бросил он Ане и исчез за колонной.

Девушка мысленно отругала себя и поспешила к нужному столику. Приняла заказ, но на полпути к кухне её остановил Савелий.

— У тебя тут что, Аня? Заказ? Передай его Жанне и иди во вторую VIP-комнату. Срочно!

— Но, Савелий Палыч... — попробовала возразить девушка.

— Некогда спорить! Давай беги уже, пока не разозлился. Быстрее, быстрее!

Ане показалось, или администратор нервничает больше обычного? Что бы это могло значить?

Глава 4

Они были разными — привлекательными и не слишком, высокими и низкими, худощавыми и полными, с разными оттенками волос и кожи. Но кое-что их объединяло: возраст, характер и отсутствие близких родственников.

Питер Кнеллер специально подбирал одиноких, несчастных и немного наивных. Таких доверчивых дурочек, идеализирующих жизнь, — слишком добрых, слишком открытых миру. Некоторые из них были сиротами, некоторые просто не общались с родителями и родственниками. У большинства даже не было друзей, которые могли бы обеспокоиться их исчезновением. К тому же Кнеллер виртуозно заметал следы, используя силу тьмы.

Он расставлял свои сети и медленно, осторожно, но неотвратно заманивал в них жертву. Позволяя до последнего думать, что она может спастись. Игра начиналась с невинного флирта или делового предложения, а заканчивалась изоляцией. В стенах его загородного особняка, за магическим барьером.

Жертвы всегда сопротивлялись. Кто-то робко, кто-то яростно — с криками и рыданиями. Они не хотели подчиняться и признавать его власть. Власть не просто сильного — ИНОГО.

Но Кнеллер знал, как их сломать, подчинить своей воле. Не угрозами или побоями — нет. Физическое насилие примитивно и грубо, а Кнеллер работал тоньше. Приставить к горлу жертвы нож — что может быть проще и скучнее? А вот дразнить ее мнимой свободой, пугать непредсказуемостью, выворачивать душу наизнанку и тут же окутывать расчетливой заботой... Это возбуждало и позволяло выжать из жертвы нужные реакции.

За годы Кнеллер отточил навык в совершенстве. Немного магии, немного харизмы, немного психологического давления — и жертва сама встает на колени. К сожалению, чаще всего слишком быстро, чтобы насладиться ароматом ее эмоций.

У каждой эмоции были свой аромат, форма и цвет. Например, страх сладко пах жасмином, а гнев — солёным морским бризом. Ненависть, фиолетовая, как тёмные сорта сирени, походила на изломанный контур, а белое, словно туман, вожделение источало аромат спелой земляники. Последний напоминал Кнеллеру дом, давно забытый и утерянный. Дом Отверженных богов, где он жил в детстве и, наверное, даже был по-своему счастлив.

Кнеллеру даже не приходилось брать своих жертв силой. Он умело играл на их чувствах, заставляя одновременно хотеть его, бояться и ненавидеть. А во время первой близости Кнеллер подчинял их еще и магически, чтобы энергия от их душ подпитывала его бессмертие в чужом мире. Само по себе физическое наслаждение для него почти ничего не значило. Мимолётно и пресно, как и всякое человеческое удовольствие.

Машина остановилась у ресторана «Золотой лотос», и Кнеллер вынырнул из своих мыслей, возвращаясь в настоящее. Сегодня он планировал немного выпить, поэтому за рулём сидел его личный водитель Сергей. Обладая тремя достоинствами хорошего работника (молчаливостью, спокойствием, ненавязчивостью), мужчина дольше остальных проработал у Кнеллера — целых пять лет. И пока менять его Питер не собирался. Сергей, конечно, не был посвящён в тайны хозяина. Догадывался ли? Возможно. Иногда в его взгляде проскальзывало понимание, но деньги в этом мире решали многое, если не всё.

«Лотос» рокотал, как бог скандала за работой. Пустых столов почти не было, а значит, ресторан ждёт хорошая выручка, — мимоходом отметил Кнеллер. Он равнодушно скользнул взглядом по лицам. Как всегда, среди запахов человеческих эмоций выделялись земляничный аромат вожделения и вишневый шлейф женского интереса. И, как обычно, Кнеллер мысленно скривился: всегда одна и та же реакция.

Вдруг Кнеллер замер: он учуял необычную смесь. Слабый аромат мокрой земли — любопытство и тонкую нотку плесени — настороженность. Кто-то изучал его не как мужчину. А как блестящее, румяное, но ядовитое яблоко. Или как шаровую молнию — неуловимую и прекрасную. Кнеллер вдохнул глубже, но аромат уже растворился в воздухе. Жаль — он хотел бы знать, на кого не подействовало его темное обаяние.

Администратор расплылся в улыбке и лично проводил его в VIP-комнату. Он старательно скрывал страх за приторной улыбкой.

— Сегодня я здесь просто гость. Позови официанта и возвращайся к работе.

— Конечно, господин Кнеллер. Пришлю Вам самого способного, — заверил администратор и вышел, обдав Кнеллера ванильным ароматом подбострастия.

Вскоре в комнату вошла девушка с короткой стрижкой и задорной улыбкой на лице.

— Добрый вечер, меня зовут Анна. Сегодня я Ваша официантка, — произнесла она привычную фразу.

Кнеллер окинул девушку внимательным взглядом: на вид лет 19-20, стройная, даже худая. Улыбается старательно, даже не скажешь, что неискренне. Человек бы точно не догадался. Но Кнеллер чувствовал исходящий от неё пряный аромат душистого перца. Так пахнет презрение.

— Добрый вечер! — улыбнулся он в ответ. — Что Вы посоветуете из меню?

И внимательно следил за её реакцией, продолжая впитывать перечный аромат. Такой яркий, освежающий и очень вкусный.

Она на секунду задумалась, словно прикидывая, что могло бы ему понравиться. А потом предложила его любимое блюдо, которое он заказывал чаще всего. Ничего удивительного, наверняка администратор предупредил сотрудницу о визите владельца. Но почему она ведёт себя так спокойно и расслабленно? От неё не пахло страхом или волнением.

— Несите, — кивнул Кнеллер, продолжая наблюдать. — И подайте вино на Ваш вкус.

— Конечно. Каберне Совиньон прекрасно подойдёт, на мой взгляд. Желаете заказать десерт? — уточнила девушка, делая пометки в блокноте.

— Спасибо, не нужно, — отказался Кнеллер.

Он не любил сладкое.

— Поняла Вас. Давайте сверим заказ: шницель из говяжьего языка с фенхелем и грейпфрутом и бокал Каберне Совиньона. Всё верно?

Она подняла глаза от блокнота, застыла в ожидании ответа. Безупречное поведение, ровный, приятный голос, выражение лица — дружелюбное и приветливое. Идеальная сотрудница, даже придаться не к чему. Но этот перечный аромат — он всё портил, он без слов выдавал её истинные чувства.

— Да, всё правильно. Я надеюсь, мне не придётся ждать слишком долго?

— Понимаю, вы цените своё время и не желаете тратить ни секунды впустую. Не волнуйтесь, ожидание не займёт дольше пятнадцати минут.

Ответила вежливо, но запах презрения слегка усилился. Интересно, что именно она презирает? Его деньги? Свою работу?

— Придётся поверить Вам на слово, — вкрадчиво произнес Кнеллер и пустил в ход самую соблазнительную из своих улыбок.

Девушка приподняла брови, чуть искривила кончики губ. Ещё один озабоченный, читалось на её лице, и острый запах перца чуть не заставил его закашляться. Официантка развернулась на каблучках и вышла.

Кнеллер задумчиво проводил её взглядом. Она... забавная, это точно.

Глава 5

Официантка вернулась минута в минуту, как и обещала, — Кнеллер специально засёк время. Девушка поставила на стол дымящееся блюдо, налила вино в протёртый до блеска бокал.

— Приятного аппетита! Желаете что-нибудь ещё? — улыбнулась она.

— Желаю, — усмехнулся Кнеллер и встал с места.

Девушка отшатнулась, когда массивная фигура Питера нависла над ней, но самообладания не потеряла.

— Простите, но это запрещено правилами ресторана, — старательно натягивая улыбку на лицо, твёрдо произнесла девушка. — Развлекать гостей не входит в мои обязанности.

Сквозь перечный аромат пробился запах плесени — тот самый, источник которого он не успел определить. Значит, это она посчитала его ядовитым? Но теперь, кажется, изменила свое мнение. Любопытство исчезло, зато появилось презрение. Она словно мысленно наклеила на него ярлык: "Похотливый богач". И она, похоже, не знает, КТО перед ней. Надо будет лишить Савелия премии в этом месяце.

— Вы не так меня поняли, — успокоил Кнеллер. — Я просто не привык ужинать один. Надеюсь, мне простительна маленькая вольность? Или Вы боитесь меня?

— Почему я должна Вас бояться? — поинтересовалась она, задрав подбородок кверху и привстав на цыпочки. — Но у меня есть и другие столики.

Самое интересное, что она действительно не боялась, — жасмином не пахло. Интересно, очень интересно.

Кнеллер взмахнул рукой, устанавливая магический заслон на двери. Воздух в комнате сгустился, а лампы на потолке погасли и снова вспыхнули. Теперь сюда никто не войдёт и не выйдет без его разрешения.

Он уловил нотки мяты, сопровождавшие удивление. Девушка отступила к двери, коснулась ладонью невидимой завесы. Резко отдернула руку, с изумлением уставилась на пальцы. И — наконец-то! — по комнате поплыл легкий сладковатый аромат жасмина. Страх.

Питер спокойно вернулся на своё место, взял в руки вилку и нож.

— Сядьте, — приказал он. — На остаток вечера я — Ваш единственный клиент.

Он добавил в голос капельку внушения и с любопытством следил, как она борется с собой. Сейчас ей отчаянно хочется подойти ближе и сесть на удобный кожаный диван. Она не понимает природу внезапно возникшего желания, и это запутывает ее и пугает. Её лоб покрывает испарина, ладони сами собой сжимаются в кулаки, а с лица окончательно слетает маска услужливости, уступая место напряжению.

— Ну что Вы там замерли, А-ня, — протянул Кнеллер и усилил напор. — Я жду.

Он с удовольствием наблюдал, как девушка подошла к дивану и села, сложив руки на коленях. В воздухе разлился запах полыни — раздражение. Да, именно так оно и пахло.

— Что Вы сделали? — нахмурилась она. — Это какой-то фокус?

— Разве я похож на иллюзиониста? — пожал плечами Кнеллер и положил в рот первый кусок шницеля.

Язык, как всегда, был великолепен. Нежность мяса, горько-сладкий вкус грейпфрута и приятная остринка физалиса. Питер даже глаза прикрыл от удовольствия, наслаждаясь так же, как в первый раз.

— Говорят, этот рецепт придумал сам владелец ресторана, — как бы невзначай заметил он. — Вам, конечно, это прекрасно известно.

— Эту легенду знает полгорода, — не поддалась Аня. — Но она всегда казалась мне просто красивой выдумкой.

— А Вы знаете владельца, чтобы утверждать наверняка? — хищно улыбнулся Кнеллер. — Если нет, то Вы не можете знать правду.

Девушка молча пожала плечами. Её серые, как зола, глаза сверлили Питера взглядом, ароматы перца и полыни причудливо смешивались, будоража кровь.

— Я даже не знаю, как выглядит владелец «Лотоса». Он как Зорро из старого вестерна: неуловимый и загадочный. И, кажется, ему плевать на сотрудников ресторана, раз он ни разу не появлялся здесь за два года моей работы.

Кнеллер восхищенно замер. Не важно, что она думала о нем, — говорить такие вещи в лицо важному клиенту, — просто самоубийство. Она не просто забавная — она бриллиант чистой воды.

Он доел шницель, выложил на тарелке треугольник из вилки и ножа, вложив лезвие в зубы. Аня тут же заметила, вернувшись к своим обязанностям:

— Позвольте спросить, что именно Вам не понравилось? Точно не еда — Вы смаковали каждый кусок. Конечно, Вам могло не понравиться обслуживание.

— Вы правы, Аня, дело не в еде, — согласился Кнеллер. — И обслуживали Вы безупречно. Вот только...

Он сделал паузу.

— Мне не понравилось, как Вы на меня смотрели. Я понимаю, что не могу всем нравиться, да и не собираюсь. Но презирать — это немного слишком. Мы ведь с Вами даже не знакомы.

— Вам показалось, — возразила она. — А пусть бы и так... Я всё сделала правильно, а то, что я чувствую или думаю, останется только со мной. А теперь, пожалуйста, выпустите меня, если я Вам больше не нужна.

Она говорила с таким достоинством, удерживая маску профессионала на лице. Но, конечно, не подозревала, что Кнеллер читает все ее скрытые чувства.

Какой восхитительный букет запахов: тут и презрение, и возмущение, и капелька страха. Кнеллер пил своеобразный коктейль и не мог насытиться. Так вкусно и так прискорбно мало!

Отпустить её? Разумеется, но только на время. Будет идеально, если она подойдет для ритуала. Если же нет... Кнеллер всё равно поиграет с ней, но чуть позже.

Он снова взмахнул рукой, убирая магическую завесу. Потухли и загорелись лампы, и дверь тут же растворилась. В комнату влетел Савелий с выражением беспокойства на лице.

— Господин Кнеллер, у Вас всё в порядке? С дверью что-то случилось, заклинило, наверное.

Аня, собиравшая посуду со стола, слишком сильно стукнула тарелкой об стол. Аромат полыни взметнулся волной: вместо страха увольнения она испытывала сильнейшее раздражение. Всё-таки он вывел девочку из себя.

— У нас всё отлично, Савелий Павлович. Ваша официантка превосходна. Обслужила по высшему разряду.

Савелий непонимающе моргнул, но тут же растянул губы в улыбке.

— Да? Вам понравилось? — зачастил он. — А я и не сомневался. Анечку у нас все любят. Чаевые всегда повышенные оставляют. И, раз Вы довольны, может, отпустите её? Рабочий день почти закончился.

— Конечно, — усмехнулся Кнеллер, глядя только на девушку. — Мы ещё увидимся, Аня. До свидания.

— До свидания, господин Кнеллер, — ровным голосом произнесла она. — Приятного вечера!

Она снова улыбалась, и только Кнеллер знал, чего ей это стоит.

Глава 6

Савелий устроил Ане такую выволочку, что она чуть не наорала на него. Чтобы отвлечься, представляла себя в тёплой ванной, в пышной белой пене, и до скрипа стискивала зубы. Нельзя вылетать с работы сейчас, совсем нельзя.

— Мне не показалось? Ты чуть не разбила тарелку? Что с тобой, Аня? Ты сегодня тупишь хуже, чем Алла.

— Почему Вы не сказали мне, что это Кнеллер? — не выдержала девушка. — Разве он хоть раз приезжал к нам, чтобы я знала его в лицо?

Савелий Палыч на мгновение застыл, изумлённо приподняв брови. Рот его сам собой сложился буквой «о».

— То есть ты, красавица, даже не понимала, кого обслуживаешь? Ты сейчас не шутишь? Аня помотала головой.

— Но он же остался доволен, что ещё надо? И сколько можно меня отчитывать, ночь на дворе.

Администратор схватился за голову и застонал. Потом махнул на девушку рукой, отпуская.

Всю дорогу до дома её не покидало ощущение чужого присутствия. Будто кто-то невидимый прятался в тени автобусной остановки, косился с задних мест полупустого салона. Фонарь у подъезда потух, а из кустов напротив доносились шорохи и шумное дыхание.

Аня попятилась к двери. Затрещали ветки — из кустов выпрыгнула облезлая дворняга. Прямо к ее ногам.

Щелкнули челюсти, послышалось угрожающее рычание. Аня направила в сумочке перцовый баллончик, наставила на собаку. Внезапно ослабевшие пальцы без толку скользили по кнопке. Собака оскалила зубы, пронзительно тявкнула. Баллончик выскользнул из Аниных рук, глухо стукнулся об асфальт.

— Пошла отсюда! — крикнула девушка, но голос сорвался на писк. — Фу!

Собака снова прыгнула. Зловонное горячее дыхание обожгло лицо.

Аня завизжала, бросилась к домофону, едва нащупав ключ в сумке. Дважды промахнулась мимо кружка. Наконец ключ встал на место. Аня влетела в подъезд, захлопнув дверь перед носом у собаки. Подёргала за ручку: убедиться, что механизм сработал. Сердце гулко стучало в груди, ноги дрожали.

Это всё Кнеллер виноват. Он и его дебильная фраза. "Мы ещё увидимся". Что, теперь будет каждый день сотрудников проверять, потому что Аня его не узнала? Придурок! И собака эта ещё...

Опустошённая, Аня заползла в квартиру, не раздеваясь, упала на кровать.

— Да провались оно всё! И особенно Кнеллер, — закричала она в темноту.

Полегчало: самую малость, но всё же. Аня прикрыла веки и забылась тяжёлым, рваным сном.

Проснулась от солнца, бьющего в глаза. Рывком села на постели, стиснула виски и застонала: болела голова. Срочно нужен кофе: крепкий, с молоком и ложечкой сахара.

Хорошо, что сегодня выходной и никуда не нужно идти. В универе расписание очень свободное, основной упор на экзамены и диплом. Последний Аня почти дописала, осталась лишь последняя глава. Выводы, так их растак, — самое сложное.

В ресторан сегодня тоже не надо: её смена лишь завтра. Значит, можно устроить день дуракаваляния и ничегонеделания. После вчерашнего Аня заслужила маленький отдых.

Глотая обжигающий кофе, Аня вспоминала вчерашний вечер. Кнеллер... Он вел себя очень... своеобразно. Даже для владельца. Так не улыбаются своим сотрудницам. Так не провоцируют понравившуюся женщину. И еще тот барьер на двери. Плотный и вязкий, как желе.

Она бросала ему в лицо такие слова, которые никогда себе не позволяла. Может, думала, но не высказывала в лицо никому. А он... Он... восхищался? Как еще можно назвать его реакцию на наглый выпад со стороны официантки? Он даже застыл на мгновение с вилок у рта и наклонился вперед, впившись в нее взглядом.

Он даже... вычислил её презрение. Наверное, оно как-то отразилось в ее взгляде. И он сделал ей выговор, а потом, после ответа, сидел и улыбался с придурковатым выражением на лице. Будто она предложила ему контракт на миллион.

А Савелию он сказал... Как же это...

«Обслужила по высшему разряду».

«Не то чтобы он наврал. Я принесла всё, что нужно, и вовремя. Кстати, к вину он даже не притронулся. Зачем тогда просил его принести? И почему он как будто забыл о моей дерзости? Не понимаю...».

Ладно, допустим, Кнеллер её проверял. И, видимо, остался доволен. Но лампы... И барьер... Как это объяснить?

Аня медленно вдохнула, потом так же медленно выдохнула. Спокойно, ничего сверхъестественного тут нет. Кнеллер, конечно, самый обычный богатый засранец. Никакие двери он не блокировал — просто заклинило замок, как и сказал Савелий. И лампы мигали от перепада напряжения, а не от пассив Кнеллера.

Оставался ещё вопрос, почему она послушно села на диван, когда он приказал.

«Почему-почему... Внешность у него... пугающая. Или он владеет гипнозом и решил отточить техники на своей сотруднице. А что, у богатых свои причуды....»

Где-то в глубине сознания мелькнула странная мысль, что она могла заинтересовать его как... женщина. Аня прошла к большому зеркалу в прихожей, взглянула на себя критически. Ну, симпатичная, конечно, но не красotka. Ни крутых изгибов, ни длинных шелковистых волос. И филлеров в лице нет.

— Нет, люди его круга на таких, как я, не клюют. Просто безумный ресторатор. Бывает... И она запретила себе думать о Кнеллере.

Глава 7

Питер Кнеллер листал досье на Аню. Так, посмотрим, кто она и зачем.

Анна Васильевна Орлова, двадцать два года. Учится на последнем курсе вуза, филологический факультет. Есть подруга, но видятся редко. В отношениях не состоит. Живёт на окраине в однокомнатной квартире, за которую выплачивает ипотеку. Родители погибли полгода назад в автокатастрофе. Виновник — сын местного чиновника — благополучно избежал наказания.

Кнеллер оторвал взгляд от бумаги, забарабанил пальцами по столу. Значит, вот в чём причина её презрения и ненависти к богатым и влиятельным людям. Личная неприязнь. Прекрасно — на этом можно сыграть.

Несколько звонков, пара визитов... Он должен всё подготовить как следует. Будет весело!

Нужно создать для нее проблемы. Такие, которые будут выглядеть естественно, но с которыми она не сможет справиться. Начнём, пожалуй, с ресторана. Это проще всего.

Кнеллер отыскал номер Савелия. Администратор взял после второго гудка: знал, что Кнеллер не любит ждать.

— Доброго дня, Савелий Павлович. Я по поводу официантки из «Лотоса», Анны Орловой.

— Да, а что с ней? — в голосе администратора появились встревоженные нотки. — Есть нарекания?

— Нет, но мне нужно кое-что обсудить с Вами, — холодно произнёс Кнеллер. — Только это не телефонный разговор. Жду Вас у себя через час.

— Хорошо, господин Кнеллер. Уже выезжаю.

Питер достал из ящика письменного стола красный блокнот, раскрыл его, написал «ресторан». Поставил напротив жирную галочку и улыбнулся кончиками губ.

Ровным, как по линейке, почерком, Кнеллер вывел следующий пункт — вуз. Тоже не сложно. Скажем, можно обвинить Аню в плагиате и заставить переписывать диплом.

И, наконец, последнее и самое важное — авария. Он подчеркнул слово двумя чертами и задумался. Тут придётся постараться — задачка не из лёгких. Но кое-какие мысли на этот счёт у него есть.

Кнеллер откинулся на спинку стула, предвкушая интересную игру. Давно он не чувствовал себя таким живым. Словно помолодел на добрую тысячу лет.

Савелий добрался до офиса даже раньше, чем Кнеллер его ждал. От администратора, как обычно, исходил густой ванильный аромат подобоострастия. За десятилетия на Земле Кнеллер уже ненавидел этот запах, но вынужденно его терпел.

— Отойдите назад, — потребовал Питер. — Дальше. Ещё дальше. Вот так хорошо.

Савелий растерянно встал у двери кабинета, не понимая, чем прогневал владельца «Лотоса». Его руки и ноги еле заметно дрожали, а взгляд хаотично блуждал вокруг.

— Анна Орлова, — отчеканил Кнеллер, пристально глядя на Савелия. — Я хочу, чтобы она уволилась из моего ресторана.

— Но... она ведь хороший сотрудник, — промямлил администратор. — Вы же сами её хвалили в тот день.

— Я и не говорю, что она плохо справляется с обязанностями. Но Анна должна уйти, и это не обсуждается.

Кнеллер выпустил магию подчинения — совсем чуть-чуть. Савелий на миг застыл, устремив взгляд в окно, а после, будто очнувшись, вздрогнул.

— Как прикажете, — безэмоционально ответил он и склонился в поклоне. — Сделаю всё, что смогу.

— Разумеется. — Кнеллер сложил пальцы домиком, не сводя с администратора взгляда. — Даю Вам срок... неделя. Если не справитесь, — он сделал паузу, — помните: на Ваше место претендуют многие. Вы свободны, Савелий Павлович.

Администратор медленно повернулся и вышел за дверь. Облако ванили выплыло за пределы кабинета, и Кнеллер наконец вдохнул полной грудью. Он небрежно нажал кнопку вызова секретарши.

— Алина, принесите мне чашку кофе. И сообщите Сергею, что мы выезжаем через полчаса.

Глава 8

Две недели после ужина с Кнеллером пролетели быстро и спокойно. Работа спорилась, диплом дописался, а образ владельца «Лотоса» потускнел и задвинулся в дальний угол памяти.

Но на третьей неделе началась полоса неудач. В ресторане попадались самые привередливые клиенты, смены выпадали неудобные, и даже природа, казалось, была против Ани. Она трижды попадала под дождь и промокала до нитки. А всё почему? Потому что никак не могла найти в сумочке зонтик, который будто проваливался в чёрную дыру. А потом, когда уже был бесполезен, внезапно находился: выпрыгивал из сумки, как кролик из цилиндра фокусника.

Сегодняшний дождь — уже четвертый! — выбесил ее основательно. Аня ввалилась в ресторан, грохнув дверью служебного входа. Зеркало в раздевалке отразило напрочь испорченные укладку и макияж.

Аня наскоро подправила тени и тушь, подтерла разводы под глазами, расчесала волосы. Пряди липли к щекам, уродуя форму лица.

— Жесть! Просто жесть какая-то! — вслух выругалась она и помчалась в туалет.

Сушилка никак не хотела включаться — сенсоры, что ли, сломались. Аня снова и снова подносила голову к отверстию и тихо чертыхалась. Когда же сушилка заработала, жалобно и громко загудев, до планёрки остались жалкие пара минут.

Аня теребила волосы, чтобы быстрее высохли, и проклинала их густоту. Мокрые пряди скользили между пальцев, лезли в рот, а уже высохшие торчали в разные стороны. И гель укладочный она в сумочку не закинула. Что за растяпа!

— Ну давай! — раздраженно шептала Аня. — Долбаная сушилка!

Сегодня Ане нужно выглядеть безупречно: Савелий уже столько замечаний за неделю ей сделал! Она как будто снова стала зелёным новичком: неопытным и неловким.

В туалет, пока каблуками, вошла Жанна. Усмехнулась при виде стоящей враскоряку Ани и ехидно заметила:

— Какая ты всё-таки смелая, я не могу! В таком виде на работу явиться! Савелий тебя в порошок сотрёт.

— А тебе что за дело? — огрызнулась Аня. — О себе переживай!

— Да мне-то без разницы, — невозмутимо ответила Жанна, вытаскивая помаду из сумочки. Открутила колпачок и провела аппликатором по губам. — Но ты ведь говорила, тебе пока нельзя увольняться. А Савелий и за меньшие проступки выгонял. И у тебя уже... — она зависла, словно вспоминая, — пять разбитых бокалов, три появления в неряшливом виде и пролитый на скатерть суп.

— Мои ошибки подсчитала? — Аня разогнулась, сжала руки в кулаки. — Наверное, даже записывала.

— Делать мне больше нечего! — пожала плечами Жанна, закрывая помаду и убирая обратно в сумочку. — Но ты в последнее время так косячишь — сложно не заметить. Влюбилась, видно.

— Чего? Ты серьёзно? И в кого же, интересно?

Аня с нетерпением ждала ответа, переминаясь с ноги на ногу и борясь с желанием расцарапать Жанне смазливую мордашку. Какая же она всё-таки гадина!

— Как в кого? В господина Кнеллера, конечно, — улыбнулась Жанна, поправляя причёску. — Вы даже уединились в тот день в VIP-комнате. Понятно, чем занимались!

— Ты что несёшь, стерва? — повысила голос Аня. — Я и Кнеллер? Да это... Об этом даже подумать смешно!

— Ну не знаю. Если не влюбилась, тогда что? О, ну конечно! Ты решила прибрать к рукам молодого, красивого, богатенького мужика.

Аня до боли вонзила ногти в ладони.

«Держаться, только держаться! Она просто хочет вывести меня из себя, как обычно».

— Ты, Жанка, совсем чокнулась? — Аня покрутила пальцем у виска. — Знаешь ведь о моих родителях. Да я за километр стараюсь обходить таких как он. Кроме рабочих моментов, но это не считается. Какое право ты имеешь так говорить?

Голос Ани дрожал от гнева, а Жанна лишь презрительно усмехалась.

— Я говорю то, что вижу. А ещё я знаю, что в тот день господин Кнеллер поехал за тобой. Не просто же так.

Аня вздрогнула, вспомнив свои ощущения. Ей тогда до самого дома казалось, что за ней следят. Выходит, он и правда преследовал её? Но зачем? Или... Жанна врёт, чтобы вывести на эмоции?

— Да ты гонишь! Такого быть не может!

— Не хочешь — не верь, — безразлично бросила Жанна и пошла к двери. — Я пойду, и так заболталась тут с тобой.

Хлопнула дверь, чтобы через секунду раскрыться снова. Жанна просунула голову в помещение и, глядя прямо в глаза Ане, заметила:

— Кстати, у тебя один глаз не накрашен. Ты знаешь?

Дверь закрылась, на этот раз окончательно. Аня в тревоге подбежала к зеркалу: не обманула Жанка. Коричневые тени лежали лишь на правом глазу.

— Блин, блин, блин!

Аня плеснула в лицо водой, яростно намылила лицо. Дрожащими пальцами до скрипа терла кожу. Лучше уж никакого макияжа, чем такой!

Закончив, Аня бегло осмотрела себя. Торчащие в стороны русые пряди, влажное лицо, мокрые пятна на форменной блузке.

— Савелий меня убьёт! — простонала она и помчалась на планёрку.

Глава 9

— Это что, Аня? Это что, я тебя спрашиваю? — гремел Савелий. — Ты решила меня в гроб вогнать?

— Простите, Савелий Палыч, под дождь попала, — сквозь зубы ответила Аня.

— А зонт тебя не приучили с собой таскать? Или ты забыла, как должны выглядеть официанты нашего ресторана? — распалялся администратор, крича всё громче.

Он яростно жестикулировал и хмурил брови, уничтожающе глядя на Аню. Будто девушка была источником всех бед.

— Смена только началась. До первых клиентов успею обсохнуть. И прекратите на меня так кричать — связки надорвёте.

— Что ты сказала? — опешил Савелий. — Ты меня сейчас оскорбить пытаешься? Хочешь, чтобы я прямо сейчас тебя уволил?

— Конечно, нет, — с вызовом глядя на администратора, произнесла Аня. — Но и унижать себя не позволю.

— Ты... — начал Савелий, но вдруг осёкся и мгновенно переменялся в лице. Даже улыбнулся какой-то странной полуухмылкой. — Хотя ладно, ты права. Я немного погорячился. И ты ведь больше не будешь меня злить, правда?

Аня только и смогла, что кивнуть с круглыми глазами. Такие перепады настроения совсем не в духе Савелия. Может, у него проблемы в личной жизни?

— Пойдём дальше. Сегодня у нас ожидается много гостей: забронированы почти все столики. Поэтому каждый будет обслуживать чуть больше клиентов, чем обычно. Аня, тебе самое ответственное задание: VIP-комната номер один.

— А как же мой внешний вид? — съязвила девушка. — Я же распугаю важных гостей.

— Зато ты профессионал. А вид — ну, приведёшь себя в порядок, пока никого нет. Иди и нормально высушись. Да, и про макияж не забудь, а то бледная, как моль. Приступай!

— С чего это ей такие привилегии? — раздались недовольные голоса. — Она что, особенная какая?

— Цыц! — Савелий выбросил руку вперёд, сжав пальцы в кулак, и все умолкли. — Будете возникать — поставлю самым языкастым две смены подряд. Работаем!

Он хлопнул в ладоши, и персонал как ветром сдуло. Аня, не веря своему счастью, полетела в раздевалку: расчёсываться и заново краситься.

Дрожащими пальцами она наносила тени и тушь. Да что с ней такое сегодня, почему она никак не может успокоиться?

Аня прикрыла веки, глубоко вдохнула несколько раз. Сегодня ответственный вечер, и она не должна облажаться. Сейчас она возьмёт себя в руки и выйдет к клиентам весёлая и собранная, как всегда.

Дыхательные упражнения помогли, и в VIP-комнату она вошла с улыбкой и почти спокойная. Гость заказал ризотто с креветками, но Аня всё равно несколько раз переспросила, нет ли у него аллергии на морепродукты или ещё на что-нибудь.

— Послушайте, девушка, — холодно произнес посетитель. — Я уже три раза подтвердил, что аллергии нет. Просто принесите мой заказ, или я попрошу поменять официантку.

— Простите, мы обязаны уточнять. Безопасность клиентов для нас очень важна.

Аня старалась говорить спокойно и вежливо. Она быстро записала в блокнот название блюда, повторила заказ вслух.

— Да-да, всё правильно, — не глядя на нее, буркнул гость. — Идите уже, девушка, а то я так никогда не поужинаю.

Минуты тянулись, как жвачка, но наконец блюдо было готово. Аня поставила тарелку перед клиентом. Он наколот на вилку первую креветку и отправил её в рот. Потом вторую, третью. Жевал молча, с кислым лицом. И вдруг бросил вилку на тарелку, начал чесать руки и шею.

— Что с Вами? — испуганно наклонилась к нему Аня. — Вам плохо?

Гость мотал головой из стороны в сторону, судорожно хватал воздух ртом.

Похоже, дело серьёзное. Да он же дышать не может!

— Я сбегая за аптечкой! — сообразила Аня. — Там есть антигистаминные. И в скорую надо позвонить.

Она спешно полезла в карман за телефоном. Неожиданно дверь открылась, и в комнату влетел Савелий.

— Что тут происходит? — рявкнул он на Аню, выхватывая у нее из рук телефон.

— Он говорил, аллергии нет, Савелий Павлович. Может, не знал. Отдайте, пожалуйста, телефон, тут скорая нужна.

— Идиотка! Ты человека угробила, понимаешь, дурья твоя башка?

От его грозного рыка зазвенела посуда на столике. Гость сипел, натужно кашлял и хватался за горло.

Савелий вернул Ане телефон и вытащил свой.

— Я отстраняю тебя от работы. Иди домой, завтра жду у себя в кабинете. А в скорую я сам позвоню.

Он потыкал пальцем в экран.

— Скорая! Ресторан «Золотой лотос», адрес... Человеку плохо, аллергия на морепродукты. Да, задыхается. Ждём.

Вбежали Жанна и Игорь. Савелий встретился взглядом с официанткой, и ее губы едва заметно дрогнули.

— Игорь, проводи Аню в раздевалку, — уже спокойно распоряжался администратор. — Пусть уходит. Жанна, а ты встречай врачей у входа.

Аня растерянно оглянулась на гостя. Ему становилось всё хуже, и она хотела знать, чем всё закончится.

— Подождите, Савелий Павлович. Я не могу так уйти. Я дождусь скорую.

— Ты и так уже дел натворила, дорогая, — отрезал он. — Без тебя разберёмся! Игорь, не стой как столб.

Парень кивнул и увлёк Аню за собой. Шепнул на ухо: «Не спорь, потом разберёмся». Девушка шла на негнущихся ногах, прислушиваясь к хрипам гостя за спиной.

Аня торопливо оделась, чуть не сломав молнию на джинсах. Они с Игорем вышли на улицу. Скорой ещё не было: Жанна маячила у входа.

— Я правда его спросила, Игорь. Трижды. И он трижды ответил «нет».

— Верю, — тихо сказал парень, косясь на Жанну. — Но лучше тебе сейчас отсидеться дома. Пока Савелий не отойдёт.

— Давай хотя бы скорую подождём, — попросила Аня. — Хочу убедиться, что с клиентом всё в порядке.

— Ладно. Только отойдём подальше. Не нравится мне Жанкин взгляд.

Они притаились за мусорными контейнерами возле запасного входа — среди вони и грязи. Как шпионы в дешевых романах. И именно этим входом Жанна почему-то повела врачей.

— Ты видишь? Савелий что, огласки боится? — шепнула Аня.

— Не хочет волновать посетителей? — неуверенно предположил парень.

— Возможно, но мне это не нравится.

Через некоторое время врачи вышли тем же путём, но пострадавшего с ними не было. Машина с тихим шелестом отъехала прочь, и Аня проводила ее взглядом.

— Его что, не забрали в больницу? Почему?

Гадать пришлось недолго: в парадных дверях вскоре появился тот самый гость. Он твёрдо стоял на ногах и даже улыбался, будто не помирал только что. Игорь даже присвистнул.

— Не может быть! Ну пусть ему укол сделали, но улыбаться после такого! Тебя хотят подставить, Аня. Но доказать обратное будет непросто.

— Но зачем Савелию меня подставлять? Уволить он мог бы и так. Целый спектакль ради одной меня?

— Не знаю, Аня, — покачал головой Игорь. — Но происходит что-то странное, и тебе лучше быть подальше от этих событий. Я попробую осторожно выяснить и напишу тебе. Иди домой, отдохни.

Аня пристально разглядывала довольного гостя, садившегося в машину. Игорь прав: тут кроется какая-то тайна. И она обязательно её разгадает.

— Кстати, — вдруг хлопнул себя по лбу Игорь, — я тут вспомнил кое-что. Кнеллер иногда сам разбирает конфликты между работниками. Если всё-таки уволят, обратись к нему. В прошлом году он так Лину от Савелия спас.

— Кого? — рассеянно переспросила Аня.

Имя что-то всколыхнуло в памяти, но образы растаяли, так и не успев оформиться. Ну и ладно, значит, это не важно.

— Была у нас такая официантка. На тебя внешне похожая. Она недолго работала, ты тогда в отпуске была, потому и не помнишь. Савелий её своими придирками достал, пытался к ней подкатить. Она отказала — так её чуть не уволили. Но вмешался Кнеллер — перевёл её в другой филиал. После этого Савелий стал... осторожнее.

Аня невольно сжала кулаки.

— И что, она согласилась на перевод?

— Да, — кивнул Игорь. — Такая счастливая ходила. Говорила, это шанс подняться. Я иногда звонил ей. А через пару недель... пропала. Перестала брать трубку, на сообщения не отвечала. Наверное, нашла себе кого-то получше. Хотя это всё равно странно. Так исчезать без объяснений.

Аня почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Хорошо, Игорь. Я запомню. Надеюсь, мне не придётся ехать к Кнеллеру.

Глава 10

Утром, за завтраком, пришло сообщение от Игоря.

«Привет, Ань! Дело странное, имхо. Савелий уже убрал наклейку с твоего шкафчика. Настраивайся на самое худшее. Набери, как подъедешь».

Аня с досадой щёлкнула по экрану: он уже всё решил, да? Ничего у Савелия не выйдет! Она ещё поборется за себя.

Смартфон, ключи, деньги на проезд — кажется, всё собрала. Можно выходить. Зеркало в прихожей отразило мешки под глазами: Ане всю ночь снились кошмары. Кто-то наблюдал за ней из тёмных углов, тайно преследовал и предугадывал каждый её шаг. Его лицо скрывалось в тени капюшона, виднелся лишь острый кончик носа и хищная улыбка. И во сне Аня знала: он не оставит её в покое. Никогда.

Даже утро не до конца рассеяло ночные страхи: улыбка мерещилась ей в тёмном коридоре, в складках штор в спальне.

У входа в «Золотой лотос» Аню встретил Игорь. Отвёл в сторонку и зашептал на ухо:

— Савелию кто-то звонил, но он не назвал имени. Только твердил «всё готово» и «больше не будет здесь работать, как Вы и просили».

— Значит, кому-то надо, чтобы я уволилась? — нахмурилась Аня. — Но кому? Жанке? Она, конечно, та ещё зараза, но вряд ли.

— Может, ты этого и не узнаешь, — вздохнул Игорь. — Но Савелий точно обрадуется, если ты сорвёшься. И получит лишний повод для твоего увольнения. Не дай ему такой возможности.

— Спасибо, — слабо улыбнулась Аня и похлопала парня по плечу. — Ты мой единственный друг в этом гадюшнике. Ну, я пошла.

Аня сжала ручку сумки, выпрямила плечи. Она выскажет Савелию в лицо всё, что думает о вчерашнем происшествии. В рамках разумного, конечно.

Администратор ждал её в кабинете и сразу положил перед ней листок бумаги и ручку.

— Пиши заявление по собственному, красавица моя, — изогнув губы в усмешке, потребовал Савелий. — Допрыгалась, доигралась.

— Но я ни в чём не виновата. Почему Вы хотите меня уволить?

— Пока что я предлагаю тебе уйти самой. Так будет лучше для тебя. Но, если хочешь, могу уволить и по статье.

— Назовите причину моего увольнения, — дрожащим от волнения голосом потребовала Аня.

— До тебя вчера не дошло, да? — раздражённо бросил Савелий. — Ты чуть не довела клиента до смерти. Его скорая увезла! Тебе этого мало?

Аня нервно сглотнула, помедлила пару секунд, наконец решилась:

— А вот врать нехорошо, Савелий Павлович. Никакая скорая гостя не увозила. И аллергии у него тоже не было. Я видела, как он выходил из ресторана, чуть ли не улыбаясь.

Аня пристально вгляделась в администратора, изучая его лицо. Савелий побледнел, пот выступил на его лбу, и он машинально утёрся платком.

— Ты всё выдумала, Аня. Я лично проводил вчера врачей и клиента.

— Да? И в какую больницу они поехали?

Взгляд Савелия вильнул в сторону.

— В... третью городскую. А что? Хочешь навестить его в палате и добить? — перешёл в наступление он.

— Нет, всего лишь восстанавливаю справедливость. Вы подстроили вчерашний инцидент, я это точно знаю.

Савелий побледнел ещё больше, с силой сжал пальцы в кулаки, так что костяшки побелели.

— Ты понимаешь, что говоришь, Анна? Обвиняешь меня в обмане? Ты что себе позволяешь?

— Я говорю то, что вижу. Ни больше, ни меньше.

— Но доказательств у тебя нет, правда? — привстав с кресла и упершись руками в стол, прошипел Савелий. — Так что пиши заявление и получай хорошие рекомендации. Или не пиши и уходи по статье. Выбирай, Анна.

Эх, жаль, она не записала на видео, как клиент садился в машину. Хорошая мысль приходит опосля. Но что, если...

— Камеры. Покажите мне записи за вчера. Прямо сейчас.

— Записи? А на хлеб тебе вареньем не намазать? Кто ты такая, чтобы требовать подобного? — кипятился Савелий. — Ты уволена, и точка!

Аня открыла рот, чтобы возразить, но вдруг передумала. Он не собирается менять своё решение. Он уверен, что поступает правильно.

— А знаете, Савелий Павлович, можете ничего мне не показывать. Но и заявление я писать не буду. Пусть нас рассудит господин Кнеллер. Поеду к нему сегодня же, нет, сейчас.

Администратор окинул Аню задумчивым взглядом, и загадочная улыбка искривила его губы.

— Конечно, Аня, поезжай. Если тебе так спокойнее, почему бы и нет?

Глава 11

Игорь ждал Аню за дверью кабинета — ходил взад-вперёд по коридору, изредка поглядывая на дверь. Аня коротко обрисовала ситуацию, и парень нахмурился.

— Савелий даже не дрогнул, говоришь? А может... Может, это Кнеллер? Он хочет твоего увольнения?

— Кнеллер? Ты же говорил, он справедливый. Той официантке помог, а меня хочет утопить? Но я ничего ему не сделала.

— Не знаю, Аня. Я сам запутался, — Игорь провёл рукой по волосам. — Может, с Линой было иначе? Или она что-то знала... Не могу понять.

— А если он просто не в курсе? — с надеждой спросила Аня.

— Тогда почему Савелий так уверен в себе? — тихо возразил Игорь. — Не надо к нему ехать, Аня.

И вновь в памяти всплыла дурацкая фраза Кнеллера: «Мы ещё увидимся». Аня и забыла, что он вообще это говорил. Прошло больше двух недель, и теперь фраза, кажется, оправдывалась. Мог ли он знать о том, что Аня...

«Если он заодно с Савелием, разговор бесполезен. И тогда Игорь прав. Но, может, всё как раз наоборот. Ему ведь понравилось, как я его обслужила».

— Нет, всё равно поеду, — решила Аня. — Даже если он организатор... Я хочу сама услышать это от него.

— Давай поедem вместе. — Игорь взял Аню за руку. — Вдвоём не так страшно.

— Нет. Не хочу тебя в это впутывать. Я позвоню, если что.

И, не дожидаясь ответа, Аня зашагала к выходу.

Адрес офиса, где сидит Кнеллер, знали все сотрудники «Лотоса». Сорок минут — и Аня на месте. Она вошла в современный бизнес-центр. Охранник спросил ее имя, взглянул в какие-то бумаги и сразу пропустил, даже не потребовав паспорт. Который она всё равно не смогла бы предъявить. Странно, но не уходить же лишь потому, что она без документа.

— Господин Кнеллер примет Вас, — сообщила секретарша, поговорив с начальником по внутренней связи.

«Вот так сразу? Он что, ее ждал? Савелий доложил?»

Она помедлила у двери, успокаивая сердце, глубоко вдохнула и вошла.

Кабинет Кнеллера был оформлен в серых тонах. Серые обои с металлическим оттенком, светло-серебристое кресло с подголовником, графитово-серый сейф в углу. И огромный письменный стол, словно присыпанный пеплом. Единственным ярким пятном обстановки являлся сам Кнеллер, одетый в тёмно-синий костюм, и блокнот в красной обложке. Когда Аня вошла, Кнеллер раскрыл его и что-то отметил, крепко нажимая на ручку. На Аню он и не взглянул.

Девушка остановилась у двери, не решаясь пройти дальше. Беспочинная тоска навалилась на грудь, словно высосав всю её решимость. В горле пересохло, и она никак не могла унять дрожь в пальцах. Аня до крови прикусила губу: металлический привкус осел на языке.

— Здравствуйте, господин Кнеллер, — хрипло выговорила она. — Меня зовут Анна Орлова, я официантка из филиала...

Кнеллер улыбнулся одними уголками губ и медленно поднял голову. Крылья носа затрепетали, словно он вдыхал неведомый Ане аромат.

— Я ведь говорил: мы ещё встретимся, Аня, — обманчиво мягко оборвал он. — И вот Вы здесь.

Какой-то он слишком спокойный для того, кто не знает об увольнении. Но раз уж она пришла...

— Я тут по делу, — продолжила Аня, стараясь говорить громко и твёрдо. — Только Вы можете в нём разобраться.

— Внезапно такое доверие... К человеку, которого Вы презираете. И почему Вы изменили своё мнение?

Кнеллер смотрел на неё с отрешённым лицом. Но его взгляд... Он пронизывал Аню насквозь, заставляя сердце отчаянно биться. Что ему наговорил Савелий? И кому из них Кнеллер охотнее поверит?

— Как бы объяснить, — нервно облизнув губы, начала Аня. — Меня хотят уволить. Вернее, уже почти уволили. Якобы я довела до больницы гостя с аллергией. Но это ложь: никакой аллергии не было, Савелий Павлович хочет меня подставить.

Аня выпрямила спину, поправила сумочку на плече. Кнеллер молчал, продолжая внимательно наблюдать за девушкой. На лацкане его пиджака отливала серебром брошь с паутиной, оплетающей круг, одна из нитей которой стрелой спускалась вниз. Необычное украшение для человека со столь высоким статусом. Слишком вычурное, слишком заметное.

— Почему Вы не отвечаете? — не выдержав напряжения, вновь заговорила Аня. — Вашу сотрудницу несправедливо увольняют, а Вам всё равно? Или Вы хотите доказательств? Тогда, увы, огорчу Вас: у меня их нет.

— Но Вы уверены в обмане, — протянул Кнеллер, наклонив голову к плечу. — А от меня Вы хотите — чего? Справедливости?

— Честности прежде всего. Если увольнение Ваших рук дело, скажите мне это в лицо.

Слова вырвались сами собой, и Аня с трепетом ожидала, что Кнеллер скажет дальше.

— Смело! Мне нравится, как Вы это произнесли. Можете повторить ещё раз? Только вложите побольше чувств: я не успел оценить Ваш аромат.

— Это какая-то проверка? Или Вы попросту издеваетесь надо мной?

— Ну если считать издевательством восхищение Вашей натурой, то да, я издеваюсь. Возможно, я слегка увлёкся, простите. Но в моём ответе гораздо больше честности, чем Вы думаете.

Он улыбнулся, и Аня вздрогнула: улыбка напоминала того человека в капюшоне из её кошмара. Девушка попятилась к двери — подальше от пугающего облика.

— Куда же Вы, Аня? Мы не договорили, — почти ласково произнёс Кнеллер. — Я как раз собирался дать Вам пищу для размышлений.

Аня оглянулась на дверь: нестерпимо чесались пятки от желания убежать. Но ведь она пришла за правдой и должна её услышать во что бы то ни стало.

— Просто ответьте на вопрос, господин Кнеллер. Моё увольнение подстроено Вами? Я имею право знать.

Улыбка исчезла с лица Кнеллера, и снова он напустил на себя равнодушный вид. Рука выводила в блокноте линии: вверх-вниз, влево-вправо.

— Скажем так, Аня: я был осведомлён о Вашем увольнении. И если Вы искали здесь защиты, то зря.

Аня остолбенело смотрела на Кнеллера. Ну конечно, как она могла забыть? Богатые не защищают — они берут своё.

Глава 12

А Кнеллер продолжал с лёгкой улыбкой на губах:

— Но я хочу предложить Вам кое-что другое.

Аня запутывалась всё больше: поведение Кнеллера не поддавалось логическому объяснению. Но теперь она не могла отступить, раз уж решилась.

— Что именно Вы от меня хотите? — чужим, непослушным голосом сказала она.

— Для начала сядьте. Вот сюда, на диван. Не пугайтесь, я Вас не трону. А предложение я озвучу через... — Кнеллер глянул на часы на стене, — десять минут. Вы как раз успеете выпить чашечку чая.

Он вызвал секретаршу, и через минуту Аня пила молочный улун с лимоном и сахаром. И пыталась прочитать по изучающему взгляду Кнеллера, чего ему от неё надо.

— Почему через десять минут? — поинтересовалась она.

— Скоро узнаете, Анна, скоро узнаете, — усмехнулся Кнеллер.

Он следил за минутной стрелкой, и, когда она переместилась на цифру семь, удовлетворённо кивнул:

— Сейчас.

В ту же секунду мобильник Ани зазвенел. Марк Евгеньевич, её научный руководитель. Взять сейчас или перезвонить позже?

— Отвечайте, Аня, уверен, это важно.

Аня нажала «ответить».

— Алло, Марк Евгеньевич? Что-то с дипломом?

— Ты ещё спрашиваешь, Орлова? Твой диплом на 92 % плагиат! Как ты могла меня обмануть? Ты, лучшая студентка на курсе!

Аня похолодела: что за нелепые обвинения?

— Невозможно. И Вы же читали текст неделю назад. Всё было в порядке.

— А теперь не в порядке! Срочно переделай, или будешь отчислена!

— Это какая-то ошибка! — почти кричала она. — Пожалуйста, проверьте ещё раз, Марк Евгеньевич!

— Никакой ошибки нет. Ты скопировала работу из Интернета и даже не подтёрла ссылки! Стыдно, Орлова! Завтра жду у себя с исправленным текстом. Или мы идём к ректору.

Он отключился, прежде чем Аня успела возразить. Она уставилась на чёрный экран мобильного, ничего не соображая. Стук сердца громом отдавался в ушах. Какой плагиат, какое копирование? Она сама писала, ночами сидела у компа. Портила глаза, напрягала мозг... Или это... тоже кем-то спланировано?

— Видите, Аня, как всё интересно в жизни устроено, — произнёс Кнеллер, откинувшись на спинку кресла и сложив пальцы домиком. — Одна проблема тянет за собой другую, третью...

— О чём это Вы? — растерялась Аня, и тут телефон ожил снова.

— Анна Васильевна? — раздался холодный мужской голос. — Это служба поддержки банка. По нашим данным, последний платёж не прошёл регистрацию. Вы можете подтвердить, что совершали его?

Сердце застучало как из пулемёта, дыхание сбилось. Она точно платила, она всегда платит вовремя!

— Да, конечно. По-моему... пару недель назад.

— Но в системе платёж не отображается. Пожалуйста, уточните дату и сумму, чтобы мы могли разобраться.

— Да, погодите минуту. — Аня открыла приложение, долистала до нужной даты. — Вот. Четырнадцатое апреля, сумма 33.500 руб.

— Благодарю. Мы проведём дополнительную проверку и свяжемся с вами в ближайшее время. Однако, если платёж не будет зарегистрирован, на ваш счёт могут быть начислены штрафы. Всего Вам доброго!

Дрожащими пальцами Аня сделала скриншот чека, отправила в чат поддержки. Пока ждала, ёрзала на диване, барабанила пальцами по экрану. Ответ пришёл через десять минут:

«Ваш платёж не найден в системе. Рекомендуем внести сумму повторно».

— Как это? — прошептала Аня. — Деньги списали. Чек на месте. А в системе пусто.

— А вот и проблема номер три, — холодно изрёк Кнеллер. — Итак, что Вы собираетесь делать, Аня? Сначала поедете в вуз? Или в банк? А может, попробуете доказать мне, что Ваше увольнение ошибочно?

Девушка поднялась с дивана, шагнула к столу. Кнеллер даже не двинулся, лишь наклонил голову, ожидая её реакции. Слишком спокойный, чтобы быть невиновным.

— Вы... Это Вы всё подстроили... — зашипела она.

Её трясло, щёки горели, а за шиворот футболки стекала тонкая струйка пота.

— Не подстроил, а направил в нужное русло, — усмехнулся Кнеллер. — И, кстати, моё предложение поможет Вам избавиться от всех Ваших проблем. От Вас требуется лишь одно: согласиться на небольшой... эксперимент. Три месяца — и Вы больше никогда меня не увидите.

— Эксперимент? Над людьми? Что-то Вы недоговариваете, господин Кнеллер. Не знаю, почему Вы надеялись, что я соглашусь.

— На самом деле я ждал, что Вы откажетесь, Аня, — вновь показал хищный оскал Кнеллер. — Что будете сопротивляться и бежать от меня.

— Вы несёте какую-то чушь! Или Вы сумасшедший, или...

Аня осеклась, боясь даже предположить, что может быть хуже сумасшествия. Она кинула взгляд на знак бесконечности посередине листа в блокноте Кнеллера. Тонкий намёк на бесконечность попыток вырваться из замкнутого круга?

— Знаете что, я отказываюсь участвовать в этом безумии. Жизнь — круговорот проблем, это правда. Но они обычно решаются, если приложить усилия. И сейчас я с ними справлюсь. Сама. Без Вашей токсичной помощи.

Аня повернулась, дошла до двери и услышала короткий смешок. Она обернулась: Кнеллер откровенно забавлялся.

— Поверьте мне, Анна, Вы даже не представляете, против кого идёте. Но... бегите, пока можете.

Глава 13

Ветер освежил горящее лицо, смыл солёные капли со щёк. Но не избавил от ядовитого чувства страха и ощущения захлопнувшейся крышки над банкой, внутри которой — она, Аня. Будто Кнеллер уже поймал её и разглядывает сквозь стекло.

Аня поёжилась, плотнее запахнула ветровку. На майском солнце было тепло, но в тени зябко и неудобно. Надо разобраться с банком, а потом перенести копию диплома на новую флешку.

«Кажется, увольнение теперь — меньшая из моих проблем. Ладно, я справлюсь. Позвоню Игорю, попрошу помочь. Я не одна».

Аня рухнула на скамейку в каком-то дворе. Тут разбили сквер с тополиной аллеей и клумбами. Красные тюльпаны тянули к солнцу свои чаши, а рядом белели звёздочки нарциссов. Островок красоты в мире бетона и стекла. Будь Аня в другом настроении, непременно наклонилась бы понюхать.

К скверу с тихим урчанием подъехала машина. Тонированные стёкла, цвет — мокрый асфальт. Снова серый, как в офисе Кнеллера. Сердце пропустило удар, и Аня поспешно отвернулась.

Девушка долго искала в телефонной книжке номер Игоря: глаза застилали слёзы. Он взял после первого гудка и засыпал Аню вопросами.

— Аня? Ты как? Всё в порядке? Что сказал Кнеллер?

— Забери меня, пожалуйста, отсюда, — еле выговорила девушка. — Ноги что-то не держат.

— Тебе плохо? — встревожился Игорь. — Никуда не уходи, я сейчас подъеду. Ты где?

— В соседнем с офисом Кнеллера дворе. Улица Солнечная, дом 5.

— Хорошо, понял. До связи!

Экран погас, но Аня так и не убрала телефон в сумку. Просто сидела и смотрела в одну точку невидящим взглядом. Хотелось расплакаться, но она запретила себе расстраиваться. Вот смерть родителей — то было настоящее горе. Жива, здорова, — значит, повода рыдать нет.

Звук заводящегося двигателя ворвался в уши. Аня кинула взгляд в сторону машины: она уезжала. Напряжение немного спало, будто автомобиль увёз с собой часть её опасений и страхов. Даже дышать стало легче, да и друг скоро должен был подъехать.

Но прошёл час, а Игорь всё не показывался и не звонил. Сообщения остались прочитанными, а трубку он не брал.

«Почему он игнорирует меня? Что-то случилось? Или он передумал? А может, всё гораздо проще: Савелий вызвал его на работу? Но разве он не должен был предупредить?».

Аня мерила шагами плитки между клумбами, то и дело взглядывая на экран. Телефон молчал, время шло, а тюльпаны и нарциссы как ни в чём не бывало покачивали головками.

Перед глазами всплыло воспоминание: Кнеллер приказал ей сесть, и она... подчинилась.

«Я вдруг очень сильно захотела выполнить его приказ. Понимала, что желание не моё, сопротивлялась. Но он словно тянул за поводок, подтягивая меня к себе».

Аня похолодела: быть может, Кнеллер способен проделать подобное с кем угодно? И если он дотянулся до Игоря...

«Да нет, он же не знал, — сомневалась Аня. — Я случайно зашла в этот сквер. В двух шагах от его офиса!».

Ноги подкосились, и Аня вновь опустилась на скамейку.

«Серая машина! Кнеллер мог за мной следить. Сам или через сообщника».

Он говорил про эксперимент. Так, может, он просто хотел её помучить, заставить бояться. Есть же люди, которые наслаждаются страхом других.

«Нет, я не дам ему повод для радости. Я справлюсь со своими проблемами сама. Как обычно. А страх... засуну подальше. Сейчас — банк, завтра — вуз. И жалоба в трудовую инспекцию».

Глава 14

Стоя у окна, Кнеллер проводил Аню задумчивым взглядом. Сегодняшняя встреча порадовала его букетом ароматов — таким богатым и ослепительно ярким. Он с трудом сдерживался, чтобы не наклониться к её шее, вдыхая жасминовый аромат страха, горький полынный привкус раздражения и солёную морскую свежесть гнева. А ещё — табак, запах возмущения. Но Кнеллер не хотел выдавать свой голод раньше времени.

А как сверкали её глаза от сдерживаемой ярости! Как дрожали пальцы от волнения и страха! И особенно восхитительным был её взгляд, когда она поняла, кто режиссёр спектакля.

— Продолжим нашу игру, — тихо произнёс Кнеллер. — Скоро она поймёт, как глубоко увязла в паутине. А я буду рядом, чтобы насладиться её эмоциями.

На столе пискнул смартфон, и Кнеллер отошёл от окна.

«Звонила кому-то. Ждёт в соседнем дворе. Какие будут инструкции?»

Кнеллер задумался на секунду и набрал сообщение:

«Не попадайтесь на глаза. Буду через десять минут».

Он сам посмотрит, кто к ней придёт. И сам решит, что с ним делать.

Парня он узнал сразу: официант Игорь Исаев из того же филиала «Лотоса». Он бежал с остановки автобуса, словно за ним гнались. Не торопись, мальчик, ты уже достиг своей цели.

Кнеллер едва заметно повёл подбородком — и его доверенные люди обступили парня с двух сторон. Аккуратно прижали к машине, не давая опомниться, ловко затолкнули на заднее сиденье. Теперь он оторопело взирал на владельца ресторана и косился на громил, что его привели.

— Здравствуйте, Игорь Исаев, — холодно сказал Кнеллер. — Не спрашивайте ничего, сначала выслушайте. Наверняка Вы сейчас думаете: почему господин Кнеллер пригласил меня поговорить? А ответ предельно прост: Вы здесь из-за дружбы с Анной Орловой.

— Вы... Значит, это правда. Вы подставили Аню.

— Не знаю, о чём Вы, Исаев, — пожал плечами Кнеллер. — Просто меня очень интересует Ваша подруга, а Вы стоите у меня на пути. Вмешиваетесь, пытаетесь помочь. Это похвально, но неудобно. Для меня.

Игорь напрягся: желваки на скулах ходили ходуном. Он дёрнулся, но люди Кнеллера, повинаясь инструкциям, держали его за плечи.

— Что Вы хотите с ней сделать? Я считал Вас благодетелем, думал, Вы благородный и честный.

— Видите ли, Исаев, — усмехнулся Кнеллер, — я не мыслю категориями добра и зла. Сейчас для меня Вы являетесь злом. Просто потому, что мешаете моим устремлениям.

— Мешаю Вашим преступлениям? Утром я сомневался, но сейчас... — Игорь помолчал и выпалил: — Та официантка, Лина... она сказала, Вы помогли ей. Она не просто пропала. Вы убили её.

Кнеллер поднял бровь.

— Какая официантка? Вы бредите, Исаев. И слишком много болтаете.

Он медленно вытянул руку, двумя пальцами коснулся лба юноши. Придётся чуть подправить его мысли, чтобы вывести его из игры.

— Аня не желает Вашего вмешательства в её жизнь. Она не нуждается в чьей бы то ни было помощи и не хочет видеть Вас рядом. Вы раздражаете её своей навязчивой заботой. Но она слишком хорошо воспитана, чтобы сказать Вам правду в лицо. Запомните это, Исаев.

Парень на миг замер, взгляд затуманился, потеряв всякое выражение. Он прерывисто выдохнул и обмяк в руках громил. Теперь он не подойдёт к Ане и на пушечный выстрел. Хорошо, то, что надо.

Аромат равнодушия коснулся носа. Кнеллер вдохнул его, чуть расширив ноздри. Похоже на мыло без отдушки. Слишком пресно, словно шашлык без специй. Насыщает, но не удовлетворяет.

— Идите, Исаев. И ещё одно: Вы меня не видели и не разговаривали со мной.

— Да. Конечно. Я понял, — механически ответил парень и вышел из машины.

— Едем за объектом, — скомандовал Кнеллер.

Глядя в окно автомобиля, он представлял дальнейшие события. Платёж не найдут в системе: он распорядился. Аню продержат в банке до вечера, а потом выпустят ни с чем. А он полюбуется на её отчаяние или панику.

Если же результат его не устроит... можно чуть припугнуть Аню. Скажем, лифт случайно застрянет между этажами. Часов на пять - шесть.

А на завтра Кнеллер подготовил несколько разных сценариев. В зависимости от того, как будет вести себя Аня. И оставил лазейку для нового неожиданного плана. Иногда интереснее менять правила на ходу.

Кнеллер потёр руки в предвкушении: если она так восхитительно пахла в первый же день охоты, что будет дальше? Похоже, девушка еще не раз его удивит. Уже удивляет — своей сильной волей и железным характером. Ломать таких — ни с чем не сравнимое удовольствие!

«О, не могу дождаться! Ночь будет беспокойной. Но ожидание оправдано, когда оно обещает награду. Мне достался прекрасный экземпляр — лучший за столетие на Земле».

Кнеллер прижался лбом к холодному стеклу. Аня шла, распрямив плечи и вцепившись в ремень сумочки. Упрямая — не сдаётся и продолжает бороться. Но сколько ещё испытаний она выдержит? Посмотрим.

Глава 15

Банк встретил Аню холодными взглядами сотрудников и невинным выражением на их лицах. Они не верили, что Аня платила, но допускали такую возможность.

— Разумеется, мы всё понимаем. Раньше Вы всегда платили вовремя, Анна Васильевна. Ситуация максимально неприятная... Мы делаем всё возможное, чтобы...

Чтобы что? В очередной раз убедиться: платежа в системе нет?

Аня написала заявление о выяснении статуса платежа, но совсем не успокоилась. Срок рассмотрения — от трёх до десяти дней. За это время уже второй платёж подоспеет.

— А если не найдут, я должна буду заплатить снова? — спрашивала Аня.

И хмурилась, услышав утвердительный ответ.

И, будто мало волнения из-за самой ситуации, девушке ещё и казалось, что за ней наблюдают. Она оглядывалась, всматривалась в чужие лица. Никого не узнавала, но чувствовала спиной чей-то взгляд. Словно этот кто-то прятался в тених на стене или сливался с посетителями банка. Невозможно, невысказано, непонятно.

Аня с трудом заставляла себя сосредотачиваться на разговоре. По временам задерживала дыхание, пытаясь унять колотящееся сердце. Бесполезно — оно бежало галопом, не считаясь с Аней. Ручка скользила в потных руках, и подпись на заявлении вышла кривой и косой.

К вечеру она еле выползла из отделения банка с чётким желанием рухнуть прямо на землю и никогда не вставать. Всё же пересилила себя, позвонила Игорю — на всякий случай. После двух длинных гудков раздалась короткая — похоже, друг нажал «сбросить». Почему, интересно, — вяло подумала Аня.

«Не важно, узнаю позже. Сейчас бы до дома побыстрее добраться».

Она словно копала полдня или разгружала вагоны с углём. Мышцы болели, глаза закрылись сами собой, и она боялась уснуть прямо в автобусе.

В салоне она пялилась в окно, сжимая ручку сумки как последнюю связь с реальностью. Терпела долго и всё-таки пропустила момент, когда задремала. Очнувшись от прикосновения к щеке холодных пальцев. Во всяком случае, так ей почудилось спросонья.

Протёрла глаза и резко вскочила с сиденья: чуть не проехала свою остановку! Какой-то добрый человек, видно, её разбудил и вышел. А то бы спала до конечной, как знать!

К дому не шла, а бежала из последних сил. Скорее под защиту родных стен, где всё привычно и знакомо. И нет никаких Кнеллеров и пропавших платежей.

Подъезд встретил тишиной и темнотой. «Отключили свет», — вздохнула Аня, зажигая фонарик на мобильнике. Теперь вверх восемь этажей пешком топать.

Она шла и считала ступени по старой детской привычке. Дом странно молчал, будто вымер. Шаги гулко отдавались эхом в подъезде, а по спине бежал липкий противный пот.

Между шестым и седьмым этажами Аня услышала тихий стук. Посветила фонариком вниз — никого. Преодолела пару ступеней — и снова стук, ближе.

Сердце подскочило к горлу, а в лёгких вдруг закончился воздух. Дрожащей рукой Аня навела фонарик на лестничный пролёт — пусто. Неужели она сошла с ума?

День был трудный, нервы сдали. Это нормально и естественно после таких потрясений.

«Да, я просто устала. Надо отдохнуть».

Ступеньки сами полезли под ноги. Аня выбежала на свой восьмой и заорала на все этажи сразу: у двери её квартиры стоял незнакомый мужик.

— В-вы... к-кто? — запинаясь, выговорила Аня.

— Ленка! Ты чего, не узнала, что ли? — осклабился мужик и шагнул в сторону девушки. — Это ж я, муж твой бывший, Вася.

— К-какой ещё Вася? Иди ты своей дорогой! Я тебе не Ленка!

— Харе выёживаться! Я тебя третий час тут поджидаю, а она нос воротит. Ты мне, тварь, косарь должна, так давай сюды!

— Вы ошиблись, — чуть громче, чем хотела, произнесла Аня. — Никакая Лена тут не живет. И отойдите — мне домой попасть надо.

Мужик качнулся на ногах, ухватился за стену, чтобы не упасть.

— Ты чего это, Ленка? Соскочить с долга решила? Не прокатит.

— Уходите! Немедленно! — почти закричала Аня, — Или я полицию вызову!

Дом наконец ожил. Хлопнула дверь на первом этаже, раздались голоса.

— Не успеешь! — ухмыльнулся мужчина. — Я тебе нос разобью раньше!

Он вдруг оказался совсем рядом с Аней, обдав её табачным духом. Колени подкосились, но она не отступила. Медленно расстегнула сумочку, нащупала ключи. И со всей дури саданула ими в пах придурку, чуть не выронив телефон из левой руки.

— Сука! — заорал мужик, складываясь пополам от боли.

Аня промчалась мимо него, вставила ключ в замочную скважину, провернула. Ужом проскользнула в квартиру, закрылась на все замки и горкой талого снега осела на пол прихожей. За дверью было тихо: ни соседей, ни мужика не слышно.

На лестничной площадке появился Кнеллер. Он улыбался с восторженным выражением на лице.

«Страх, ненависть и даже ярость — в самый напряжённый момент! Аня вымоталась до предела, но не отступила. Очаровательно!»

Конечно, мужчина, якобы перепутавший Аню с кем-то, — его подручный. Он не обидел бы девушку: такой цели не стояло. Но она-то не знала, что в безопасности! Восхитительно!

Кнеллер в последний раз втянул ноздрями воздух, вытягивая из него остатки букета ароматов. Потом повернулся, кивнул своему человеку и начал спускаться по лестнице.

Глава 16

Всю ночь Аня ворочалась, ненадолго проваливалась в дремоту и снова открывала глаза. Подушка казалась жёсткой, одеяло — слишком тёплым, а простыня скатывалась в середину постели. Аня совсем не выспалась. Ни кофе, ни пятиминутный ледяной душ не помогли взбодриться.

«Ну хоть диплом-то я отвоюю у Кнеллера», — заливая копию на флешку, настраивалась Аня.

Марк Евгеньевич строгий, конечно, но справедливый. Он поймёт: это всего лишь недо-разумение.

«А если нет? — сжалось сердце. — Если меня отчислят?»

Интернет. Надо взглянуть, что пишут на форумах, пока есть время. Аня долго вчитывалась в юридические советы и постепенно немного успокоилась. Можно оспорить решение вуза, а если не удастся, обратиться в суд. Главное, у неё есть доказательства, что она писала сама. Аня погладила пальцем синюю флешку. В ней все её надежды.

Перед выходом из дома Аня посмотрела в глазок: вдруг вчерашний мужик вернулся. Никого. Она с облегчением выдохнула: вчерашнее происшествие задело её больше, чем она себе признавалась. По дороге в университет всё время оглядывалась в поисках серой машины. Попадались похожие, но не та.

Марк Евгеньевич ждал её на кафедре литературы. Он тоже нервничал: возможное отчисление лучшей студентки курса било и по его репутации. И явно обрадовался, когда Аня полезла в сумку за флешкой.

— Вот, Марк Евгеньевич. Здесь копия моего диплома. Убедитесь сами.

Тихо пиликнула флешка, щёлкнула кнопка мышки. Марк Евгеньевич кашлянул и обернулся к Ане.

— Это такая шутка, Орлова? Здесь ничего нет.

Аня бросилась к компьютеру, уставилась на девственно чистый экран.

— Как же это... Я проверяла недавно. Утром, перед выходом из дома.

— Вы же сами видите, — пожал плечами преподаватель, тряхнув длинными каштановыми волосами. — И мне очень жаль, что я потратил на Вас время сегодня. Что с Вами случилось, Орлова? Вы же претендовали на красный диплом.

Он вытащил флешку, отдал Ане. Девушка машинально взяла её в руки и вдруг вскрикнула от неожиданности: на крышке виднелась крохотная царапина. Но Аня точно знала: утром никаких повреждений на флешке не было.

— Марк Евгеньевич, это не моя флешка. Похоже, её подменили. Не знаю как, но это точно.

— Ну это Ваши домыслы, Орлова. А я привык верить лишь фактам. Впрочем, мы сейчас идём к ректору — пусть он решает.

Геннадий Иванович принял Аню сухо и даже не дослушал до конца её сбивчивый рассказ. Он лишь сурово нахмурил брови и покачал головой.

— Анна Васильевна, я всё понимаю, но ничего не могу для Вас сделать. Плагиат — это очень серьёзно. Я придержал приказ об отчислении, но у Вас, как выяснилось, даже нет черновика диплома.

Аня схватилась за край ректорского стола, так что костяшки побелели. Они не собираются ничего выяснять, они уже всё решили.

— А оригинал вы ведь сохранили? Тот, который якобы плагиат. Хочу на него взглянуть.

Геннадий Иванович переглянулся с Марком Евгеньевичем, потом полез в одну из папок у себя на столе.

— Вот, Анна Васильевна, — положил он перед ней лист бумаги. — Прочтите сами.

Анна водила глазами по строчкам, пытаясь вникнуть в смысл фраз. «В работе студентки группы РЛ-4 Орловой А. В. использована моя дипломная работа от... №... Доказательства прилагаются. Подпись: Иванов А. А.».

— Но где же сами доказательства? Почему я должна верить какому-то непонятному заявлению неизвестно от кого?

— Доказательства, Анна Васильевна, предоставлены в полной мере. А заявление — официальный документ, на основании которого я и составил приказ. Ознакомьтесь с копией, пожалуйста.

Ещё один лист бумаги лёг на стол. Взгляд выхватил слово «отчислена». Буквы заплясали перед глазами: она больше не студентка. Её труды, её старания, её будущее — всё у неё украли. И сделал это Кнеллер.

Глава 17

— Подписывайте, Анна Васильевна. Выбора у Вас, увы, нет, — с нажимом сказал ректор, подавая ей ручку.

— Да, Орлова, не тяните время, — поддакнул Марк Евгеньевич. — Вы сами виноваты. Аня испытующе глянула на ректора, потом на своего бывшего научного руководителя.

— Что он вам предложил за моё отчисление? Деньги? Услуги? А может, угрожал?

— О чём Вы, Анна Васильевна? — слишком быстро ответил Геннадий Иванович. — На что это Вы намекаете?

— Господин Кнеллер. Он был здесь, да? Говорил с Вами?

— С Вами всё хорошо, Орлова? — озабоченно поинтересовался Марк Евгеньевич. — Вы говорите странные вещи. Проводить Вас в медпункт?

По выражению их лиц не удавалось понять, попала ли Аня в точку. Кнеллер мог действовать через кого-то — зачем ему самому светиться.

— Ладно, я поняла, — горько усмехнулась Аня. — Но подписывать ничего не буду. Подаю на апелляцию.

— А мы не дадим ей хода, — пронизывая девушку взглядом, проскрипел ректор. — Диплом-то у Вас с плагиатом.

Значит, так. Ну ладно, но подписывать всё равно не стоит. Согласиться на это — значит признать поражение. Нет, Аня не доставит ему такую радость. Пусть катится в лес, чёртов Кнеллер!

Она поднялась и вылетела за дверь, даже не попрощавшись. В то же мгновение в сумочке зазвонил телефон. Аня расстегнула молнию, уставилась на экран. Номер неизвестен.

Сердце на секунду замерло, а потом сорвалось с места, словно спринтер на беговой дорожке. Может, не брать?

Всё-таки Аня приняла звонок, поднесла телефон к уху. Вкрадчивый голос в трубке звучал слегка искажённо, но Аня узнала. Только его сейчас и не хватало для полного счастья!

— Bravo, Аня! — восхищался Кнеллер. — Вы бесподобны! Какой напор, какая сила духа! Давно не встречал настолько смелую и стойкую девушку. Я бы заплодировал, предстань Вы передо мной воочию.

— Себе поаплодируйте, господин ценитель! — рявкнула Аня. — Упиваетесь своей властью?

— Вовсе нет! Всего лишь хочу напомнить о своём предложении. Одно Ваше слово, Аня, и всё вернётся на круги своя.

— Как щедро с Вашей стороны. А взамен Вы посадите меня в клетку и станете наблюдать?

— Зачем же так грубо, Аня? — с легким разочарованием в голосе произнес Кнеллер. — Просто маленький психологический опыт, вполне законный. Соглашайтесь, будет весело.

Аня прислонилась к стене: стало трудно дышать. Веселится он, значит. А вот она сейчас как пойдёт в полицию... Хотя... Что она им скажет? Мне угрожают, но доказательств нет?

— Засуньте Ваш эксперимент в задницу! — сквозь зубы прошипела Аня. — И оставьте наконец меня в покое!

Она отключилась и ещё какое-то время стояла, прикрыв глаза, у стены. Сердце неистово билось в груди, к глазам подступили слёзы. Нет, она не расплатится, как слабачка. Плакать никогда не помогает.

Глава 18

Аня выползла на улицу, полной грудью вдохнула свежий воздух. Мысли путались, ноги подкашивались. В каждом прохожем ей мерещился Кнеллер, и Аня в испуге шарахалась от людей. Искала взглядом серый автомобиль, но машины сливались в сплошную полосу. Где же прячется этот исследователь человеческих душ? Его голос по телефону... Голос человека, не привыкшего отступать.

«Дыши, Аня, дыши. Не дай ему сломить себя. Как только ты дашь слабинку — проиграешь».

Мелодия уведомления прервала ход Аниных мыслей. Аня открыла мессенджер: Савелий. Прислал фото приказа об увольнении. «Основание: несоответствие должности (п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). Подпись: Кнеллер».

Два из трёх. Работа и вуз. Будет смешно, если ещё и банк...

Номер горячей линии упорно советовал подождать. «К сожалению, все операторы заняты». И музыка — раздражающая, громкая.

«Давай же, скорей! Как надо — никогда не дозвонишься».

Когда мелодия наконец заткнулась, Аня уже так завелась, что чуть не наорала на оператора. Огромным усилием воли удержалась, вежливо поинтересовалась судьбой заявления. И услышала равнодушный голос девушки из колл-центра. Платёж так и блуждал неизвестно где, и банк предлагал просто ждать.

— Да вы издеваетесь все, что ли? Сколько можно-то уже? Неужели так трудно просто сделать свою работу?

Аня всё-таки сорвалась. Раздражение и гнев последних дней требовали выхода. Появись сейчас перед ней Кнеллер, она разорвала бы его на части.

— Мы приносим извинения за доставленные неудобства. Наши специалисты продолжают работать над Вашим запросом.

— Да Вы задолбали своими отговорками! Вы не ищете — вы, простите, фигнёй страдаете. Идите вы знаете куда!

Аня нажала на красную трубку. Они, наверное, даже не пытаются решить её проблему. Кнеллер и тут позаботился.

«Но я ведь должна что-то делать. Я не могу вот так сдать. Вчера я хотела куда-то пожаловаться... Куда? Не помню».

Аня потёрла виски, пытаясь сосредоточиться. Голову словно обмотали верёвкой и крепко затянули. Кровь толкалась в сосудах, пульсировала в такт сердцу. Дрожащими пальцами Аня расстегнула сумочку, долго шарила внутри в поисках таблеток от головной боли. Ключи, кошелек, бутылочка с водой... Всё не то.

— Да чтоб тебя! Всегда же тут лежали. А, вот они!

Выдавила таблетку на ладонь, закинула в рот. Долго запивала, жадно опустошая бутылку. Несколько капель пролилось на ветровку, и Аня вытерла их рукой.

Стало чуть легче, во всяком случае, Кнеллер больше не мерещился. Убрав воду в сумку, Аня поплелась к остановке. Куда теперь? В банк? Бесполезно. В ресторан? Но она там уже не работает. Позвонить Игорю?

Она набрала номер друга, не особенно надеясь на удачу. Но в этот раз он ответил.

— Привет! У нас сегодня запара, так что давай по делу, Аня. Что ты хотела?

— Игорь, привет, — радостно зачастила она. — Ты почему не отвечал так долго? Я тебе звоню, звоню... Мы же вчера хотели вместе пойти в банк. Куда ты пропал?

— Разве? Ты вроде и сама отлично справлялась.

— Да, но... — Аня осеклась. Догадка пронзила её, как молния. — Постой, Кнеллер. Он с тобой говорил? Он что-то сказал тебе? Если да, не слушай его. Он не тот, за кого себя выдаёт.

— Да правда, что ли? — рассмеялся Игорь. — А он мне другое сказал. Что ты не хочешь меня видеть и говорить со мной. И кому я должен верить?

— Мне! Мне, конечно! — закричала Аня так, что проходящая мимо женщина покосилась на неё. — Он хочет меня в свою коллекцию. Пожалуйста, помоги!

— Звонки на работе! — раздался голос Савелия. — Хочешь, чтобы и тебя уволили?

— Извините, Савелий Павлович. Я уже закончил разговор.

Раздался щелчок — Игорь нажал «отбой». Чёртов Кнеллер промыл ему мозги.

Всё. Помощи больше ждать неоткуда. Аня с горечью листала список контактов. Дошла до буквы «М» и остановилась. Точно! Машка! Если кто и поверит в преследование Кнеллера, то только она.

Вместо гудков в трубке звенело:

Я подумаю потом, но скажу сразу "Да"

За деньги — да, за деньги — да*

* INSTASAMKA («За деньги да»)

Как может нравиться такая тупая песня? Вот и Кнеллер воображает, наверное, что всё можно купить.

Машка ответила после припева и сразу обрушила на неё свою бурную радость. Они не виделись, кажется, с начала зимы.

— Привет, пропащая! — гремела подруга. — Месяц не звонила, ну как так можно? Я уж тебя в розыск хотела подавать.

— Маш, выслушай, пожалуйста, — голос Ани дрогнул. — Кажется, меня преследует один... один человек. Меня уволили с работы и отчислили, и всё из-за него.

Аня прикусила язык, оглянулась по сторонам. Вроде никого, но, может, она просто не видит. Что, если та тень за углом — Кнеллер?

— Прости, не могу говорить. Потом перезвоню.

— Ты чего, Аня? — голос Маши мгновенно стал тревожным. — Погоди, не отключайся! Как отчислили? А работа? Ты говорила, тебя ценят в ресторане.

— Не бери в голову. Я просто... — Аня сглотнула. — Триллеров на ночь пересмотрела.

— Но ты сказала...

— Просто я очень боюсь этого. Воображение слишком хорошее. Вот и ляпнула.

— Ань, ты нормальная вообще? Так людей пугать. Давай знаешь что? Приезжай ко мне, я сегодня абсолютно свободна. Посидим, поболтаем.

— Нет, не могу. Смена. Извини, что взбаламутила. Приятно было услышать твой голос.

— А мне как приятно. Ну, давай, звони чаще. Не пропадай.

— Да, конечно. Пока!

Аня прервала звонок.

«Так лучше. Никто не должен страдать из-за меня».

Глава 19

Голова прошла, и Аня поняла, что голодна. Она с утра ничего не ела, а время незаметно ускокало к часу дня.

«Поем в кафе, а после подумаю о проблемах».

Прижав сумку к левому боку, Аня брела вдоль тротуара. Разглядывала вывески, выискивая нужную. Магазины, ломбард, книжный киоск. И наконец — кафе под названием «Дождливый полдень». Креативщики фиговы — не могли что-то получше придумать.

В полупустом помещении Аня выбрала столик у окна, села лицом к двери. Если войдёт кто-то подозрительный, она сразу увидит. Пока она не заметила слежки. Может, Кнеллер решил, что с неё пока хватит?

Аня заказала сырную пиццу, шоколадное пирожное и капучино. Ела на автомате, почти не чувствуя вкуса. Просто наполняла желудок и пыталась немного отвлечься. Если, конечно, это возможно в таких обстоятельствах.

Клиенты уходили, появлялись новые, а девушка всё сидела за столиком. Не хотелось вставать, не хотелось думать. Ничего не хотелось. В голове молоточками стучало: отчислена, уволена. И если работу можно найти новую, то с вузом будут проблемы.

Трудовая инспекция — всплыло в сознании. Точно, она ведь собиралась подать жалобу. И забыла.

«Жалоба ничего не даст. У меня нет доказательств. Моё слово против его», — мелькнула отчаянная мысль.

Но, может, хоть нервы ему потреплют. Инспекция обязана отреагировать. Аня нехотя открыла сайт, заполнила форму. Прикрепила фото приказа. Отправила и вдруг поняла: в кафе стало слишком тихо. Ни приглушённого гула голосов, ни стука приборов по тарелкам.

Лишь один посетитель точно так же, как она, тянул время или ждал кого-то. Короткая стрижка, чёрная куртка, неприметное лицо. Он то пялился в телефон, то отпивал глоток из чашки. В сторону Ани не глядел, но это ничего не значило. Не мог же он так явно себя выдать.

Как проверить, от Кнеллера он или нет? Аня медленно поднялась, перекинула через плечо сумочку. Плавнo двинулась к выходу, стараясь не оглядываться. Лишь у двери как бы невзначай обернулась — мужчина сидел в той же позе, изображая памятник.

Уже на улице Аня заглянула в окно кафе: подозрительный тип разговаривал по телефону. Быть может, докладывал о ней хозяину?

Она медленно завернула за угол дома. Прижалась к стене, часто дыша. Кнеллер не должен знать, где она. Но он, похоже, так хорошо осведомлён о её маршрутах. Пустая флешка... кто-то ведь её подменил.

Оглушительно затрещал телефон. Аня вздрогнула и замерла. Это, наверное, снова Кнеллер. Но ведь можно не отвечать. Да, так она и поступит.

Телефон умолк, а через секунду снова затрезвонил. Как назойливая осенняя муха: смахнёшь её — а она снова садится на руку. Или это Аня муха, а он паук, расставляющий сети в укромных местах?

— Сволочь, да прекрати ты уже. Я не твоя добыча, — пересохшими губами прошептала Аня.

Звонки продолжались. Аня дёрнула молнию сумки, и «собачка» обломилась.

— Вот хрень! — выругалась она, двигая ползунок пальцами.

На экране высветился незнакомый номер, но не тот, что утром. Может, всё-таки спам для разнообразия. Аня приняла звонок.

— Аллю!

— Анна Васильевна? Старший следователь Катков беспокоит. По поводу аварии с Вашими родителями.

Аня криво улыбнулась и с облегчением вытерла пот со лба. Какая-то часть её сознания боялась вновь услышать голос этого... коллекционера.

— Здравствуйте! А что случилось? Дело давно закрыли.

— Это так, но появились новые... обстоятельства, — ровным голосом говорил следователь. — Есть свидетель, который видел момент аварии. Он был в отъезде, поэтому обратился в полицию лишь сейчас.

— Это... хорошо... Наверное, — неуверенно произнесла Аня. — А от меня что требуется?

— Дело в том, что его показания противоречат общей картине происшествия. Вы не могли бы подойти в мой кабинет сегодня в 19:00? Адрес вышлю в сообщении. Хотя Вы, наверное, помните.

— Да. Конечно. Но я ведь уже давала показания. Полгода назад.

— Я бы хотел ещё раз выслушать Вашу версию событий, — с нажимом сказал Катков. — С учётом новых данных. Если Вы не явитесь добровольно, я вызову Вас повесткой.

— Так и вызывайте, — устало выдохнула Аня. — Будет официальный документ — я приду.

Разговор нравился ей всё меньше: новый свидетель, напор Каткова. Слишком странно, чтобы быть правдой.

— Я понимаю Ваше недоверие, Анна Васильевна, — более мягким тоном продолжил Катков. — Но свидетель видел кое-что интересное. То, что, возможно, поможет добиться пересмотра дела.

Аня замерла, боясь поверить в услышанное. Неужели это намёк на справедливость? И она увидит, как того наглого мажора сажают в тюрьму?

— Какие... какие показания он дал? — прерывистым от волнения голосом выговорила Аня.

— К сожалению, по телефону я не могу Вам их передать. Но если Вы придёте вечером, сможете поговорить и со мной, и с этим свидетелем.

Аня расстегнула ветровку: внезапно стало жарко. Это может быть её шанс. И она не простит себе, если упустит его.

— Хорошо, — слабо прошелестела Аня. — Я... приду. До свидания.

— Замечательно. Сейчас же закажу пропуск на Ваше имя. Не забудьте взять паспорт. До свидания, Анна Васильевна.

Аня съездила за паспортом домой, а потом до вечера бродила по городским улицам. В голову лезли непрошенные мысли: вдруг она зря согласилась? Вдруг это ловушка? И Кнеллер снова её переиграл.

«Свидетель выскочил, как чёрт из табакерки. Так не бывает. Однако если всё правда, если того козла накажут...»

А ещё она может рассказать следователю о Кнеллере. О его преследовании, об угрозах и о подставах. Может, он заинтересуется хотя бы этим. Да, так она и сделает!

В 18:45 Аня стояла у здания РУВД. Ноги будто не хотели туда идти, налились тяжестью.

«Там люди, — убеждала она себя, — много людей. А значит, я буду в безопасности».

На противоположной стороне улицы показался мужчина в чёрной куртке. Тот самый? Или ей кажется? Проверять Аня не стала. Просто взбежала по ступеням крыльца и толкнула тяжёлую дверь. Всё, теперь пути назад нет.

В кабинете следователя было душно, пахло пылью и старыми бумагами. Катков сидел за столом, помешивал ложечкой чай. В глаза бросились его ладони: крупные, с толстым обручальным кольцом на безымянном пальце правой руки.

— Проходите, Анна Васильевна, — оживился следователь. — Свидетель немного задерживается. Может, хотите чаю?

Неровными шагами Аня подошла к свободному стулу, села на край, выпрямив спину. Язык еле ворочался во рту, и очень хотелось облизнуть губы. Возможно, пара глотков чая ей не повредит.

— Да, спасибо. Чёрный, пожалуйста, без сахара, — запинаясь, ответила она.

— У нас только фруктовый. Персик – маракуйя. Подойдёт?

— Неважно. А свидетель точно придёт?

— Конечно. Он звонил, сказал, что опоздает минут на пять.

Катков щёлкнул кнопкой электрочайника, вытащил из тумбочки чайные пакетики. Достал жёлтую кружку с надписью: «Всё будет хорошо!».

Какое враньё, захотелось крикнуть Ане. Но она благоразумно промолчала. Надо поговорить о Кнеллере, пока свидетель не подъехал.

— Валерий Осипович, — решила Аня. — Я хотела кое-что Вам рассказать. Дело в том, что меня... преследует один человек. Он владелец ресторана, в котором я работаю... работала, — поправила она. — Его зовут Питер Кнеллер.

Катков обернулся: лицо его не выражало ничего. Но взгляд выдавал заинтересованность и любопытство.

— Продолжайте, пожалуйста, очень... интересно.

Брови Ани сами собой поднялись вверх. Она ожидала всякого: удивления, неверия, сомнений, но не такого. Катков говорил, как... как Кнеллер.

— Вы слышите, что я вообще говорю? Понимаю, Вы работаете не в том отделе. Но я просто не знаю, к кому ещё обратиться. Вы же сотрудник полиции, можете передать кому нужно.

Катков поставил перед Аней кружку. От чая приторно воняло персиком и чем-то ещё. Старыми тряпками, что ли? Она зажала нос и сделала пару глотков. Сладкий, с едва заметной горчинкой.

— Вы не любите фруктовый чай? — улыбнулся следователь. — Надо было сразу сказать. Я бы сходил к коллегам за обычным.

— Нет, всё нормально. Просто аромат слишком сильный. Но сойдёт.

В доказательство она отпила ещё немного, морщась от неприятного вкуса. Следователь внимательно следил за ней, изредка поглядывая на часы на стене.

— Так что Вы там говорили, Анна Васильевна? Кто Вас преследует?

— А Вы не запомнили? Кнеллер. Он добился моего увольнения и отчисления из вуза. И ещё...

Аня не успела упомянуть банк — в дверь постучали. Стук громом отдался в ушах, вызвал панику. Да что это такое, она теперь от каждого постороннего звука будет шарахаться?

— Войдите, — повысил голос следователь.

В следующую секунду Аня похолодела. Сердце рванулось с места в галоп. На пороге стоял он — ее ненавистный преследователь. Кнеллер.

— Вы! Снова Вы! Что Вы вообще тут... — Аня осеклась.

Нет, невозможно. Немыслимо.

— Вот, это и есть свидетель — господин Кнеллер, — почти весело представил его Катков. — Представляете, Анна Васильевна утверждает, что Вы испортили ей жизнь.

— Что? Я не так сказала, — едва выговорила Аня.

Перед глазами всё плыло, а тело налилось странной слабостью. Взгляд упал на жёлтую кружку. Чай! Катков что-то добавил в чай. Он заодно с Кнеллером!

«Надо... бежать. Обвинять... бесполезно. Никто... не поможет», — ворочались в голове тяжёлые мысли.

Кнеллер подошёл к Ане, пощупал пульс на её правом запястье.

— Как быстро бьётся Ваше сердечко, Анна Васильевна, — вкрадчиво произнёс он. — Вам плохо? Голова не кружится?

Аня попыталась выдернуть руку, но мышцы не слушались. Всё подстроено. Кнеллер вёл её сюда, как собачку, на поводке.

— Экс.. эск... экспериментатор хренов. Не... прикасайтесь... ко мне...

— У Вас очень душно, Валерий Осипович, — не обращая внимания на её слова, снова заговорил Кнеллер. — Девушке нужно на воздух.

— Может быть, врача?

— Не стоит. Я на машине, если что, сам отвезу её в ближайшую больницу.

Катков кивнул и уткнулся в бумаги, лежавшие на столе. Словно уже выполнил свою функцию.

Аня почувствовала, как её поднимают сильные руки, ведут к двери. Из последних сил она взмахнула рукой, но пальцы лишь скользнули по рукаву пиджака.

— Пустите... Я закричу, — прохрипела Аня.

Вряд ли она выполнила бы эту угрозу: голос тоже не повиновался ей. Кнеллер холодно на неё взглянул, потащил в коридор и дальше на лестницу. Аня вяло перебирала ногами, временами пытаясь упереться в пол. Стены расплывались перед глазами, а рука Кнеллера больно давила на рёбра.

Свежий ветер ударил в лицо, принеся минутное облегчение. Но кто-то открыл дверку автомобиля, и Аню посадили на заднее сиденье.

Она видела чьи-то тени. Слышала голос Кнеллера как сквозь вату.

— Сюда, Анна Васильевна. Вот так, сейчас полегчает.

Щелкнул ремень безопасности. Лицо Кнеллера нависло над ней: спокойное, непроницаемое. Брошь с паутиной на лацкане. Снова.

Ухо обожгло горячее дыхание. Он шепнул:

— А вот теперь мы поиграем всерьёз, Аня.

Глаза закрылись сами собой, и пришла темнота.

Глава 20

Сознание возвращалось неохотно. Аня блуждала между сном и явью, силясь открыть глаза. Не выходило — тяжесть давила на веки.

Подняла руки, потёрла сонное лицо. Нельзя же так долго спать — вредно для здоровья. Наверное, вчера она вымоталась полностью, поэтому и проснуться тяжело.

Погоди-ка, вчера... Что-то случилось такое, что-то важное. А она всё забыла.

Аня с усилием подняла веки, уставилась в белоснежный потолок. Опустила взгляд ниже — на майскую зелень стен. Странно, они ведь должны быть бежевыми. Если, конечно, Аня у себя дома.

Слева кто-то кашлянул. Аня медленно повернула голову. Взгляд выхватил стул и Кнеллера на нем.

Он сидел закинув ногу на ногу и спокойно смотрел на нее. Будто это она, Аня, не у себя дома.

В сознании вспыхнуло: здание РУВД, следовательно, чай — слишком приторный и пахнет половой тряпкой. Она из вежливости отпила несколько глотков. Ей стало плохо, и Кнеллер... увел ее с собой.

Деталька конструктора встала на место. Аня не дома — она у Кнеллера в лапах.

— Нет! — вырвалось у неё. — Нет-нет-нет!

Кнеллер медленно растянул губы в улыбке. Хищной, зловещей, жуткой — нечеловеческой.

— Добро пожаловать в мой дом, Аня! — ровным баритоном произнес он. — Ты так отчаянно от меня убегала. Но, как видишь, я тебя догнал.

— Я, значит, теперь в клетке... — зло выпалила Аня. — И что Вам от меня нужно?

— Я же говорил тебе, А-ня, — протянул он с видимым наслаждением. — Маленький эксперимент. В подходящих для изучения... условиях.

Он называл похищение экспериментом, словно не существовало ни законов, ни морали. Словно только Кнеллер решал, что нормально, а что нет.

Мурашки побежали по коже, а в животе скрутился тугой узел. Держась за спинку кровати, Аня села на постели.

— Я не Ваш кролик, — прохрипела она. — И не испытуемый. Немедленно освободите меня!

Кнеллер наклонил голову, улыбнулся одним уголком губ.

— Прости, Аня, это невозможно, — с лёгким сожалением в голосе заявил он. — Но не волнуйся, я не причиню тебе зла. Мы просто немного... поиграем. Я люблю, когда весело.

— А веселье для Вас — издеваться над беззащитной девушкой?

Кнеллер запрокинул голову и расхохотался, как безумный. И с каждым раскатом смеха Аня всё сильнее погружалась в липкое болото страха.

— Вы... психопат, — выпалила она и втянула голову в плечи, ожидая удара. — Я чувствовала: что-то с Вами не так. Вы выделялись из толпы.

Он даже бровью не повёл. То ли хорошо скрывал злость, то ли ему действительно было плевать, что Аня произносит.

— Психопат? — подняв взгляд к потолку, повторил Кнеллер. — Слишком мелко для такого, как я. На самом деле я нечто большее. Но тебе пока не следует знать всю правду.

Он впился в Аню взглядом, а ноздри его раздулись и затрепетали. Словно рядом рос необыкновенно прекрасный цветок с чарующим ароматом. И это пугало сильнее всего.

— Что Вы делаете? Вы меня... нюхаете?

— Я бы назвал это дегустацией. Ты пахнешь невыносимо сладко.

Он пересел на кровать — так близко, что она видела свое отражение в его зрачках. Втянул воздух рядом с её волосами, жмурясь от удовольствия.

Аню передернуло от отвращения. Она не пользуется духами, а сейчас от неё, очевидно, воняет потом и немывтым телом. Так что он с таким упоением вдыхает?

— Восхитительно, как всегда. Да, я не ошибся, — пробормотал он себе под нос и поднялся одним плавным, точным движением.

— К сожалению, я должен идти. Дела, как ты понимаешь. Не скучай без меня.

Он вышел из комнаты, не дожидаясь ответа. Но через пару секунд вернулся.

— Совсем забыл: на подносе твой обед, туалет в соседнем помещении, там же душ. Одежду пока не купил, извини. Пока, маленькая гостья.

Дверь снова закрылась, и в замке проскрежетал ключ. О, конечно, именно так и обращаются с гостями!

Глава 21

Она сопротивлялась до конца, даже когда уже знала, что проиграла. Столько сил в одинокой девушке, у которой отняли почти всё. Столько храбрости, правда, бесполезной и глупой. Но именно этим Аня и привлекла Кнеллера.

Ароматы её эмоций причудливо переплетались, создавая новые композиции. Чуть больше горько-сладкого жасмина — страх стал сильнее. Чуть меньше полынной горечи раздражения и пряного запаха презрения. Объясняется, конечно, просто: до похищения она не сознавала, насколько опасен её преследователь. Надеялась спрятаться, переиграть его. Но разве человек может состязаться с кем-то вроде Кнеллера?

Идти против него — всё равно что бросаться на ураган. Унесёт, закружит и выбросит вон, основательно потрепав. Только Кнеллер действует тоньше: ни к чему применять физическую силу, когда есть миллионы других способов добиться желаемого. И один из них — заставить ждать. Аня не будет знать, когда в замке вновь повернётся ключ. Может, он придёт вечером, а может, завтра или послезавтра. Там будет видно, как любят говорить люди.

Кнеллер сел в машину, кинул взгляд на окно пленницы. Крохотная фигурка маячила на втором этаже. Выражение лица с такого расстояния не разглядеть, а жаль. Кнеллер хотел бы запечатлеть его в памяти.

Ворота с тихим щелчком растворились, и он проехал сквозь собственный магический барьер. Нажал кнопку магнитолы — полилась старая мелодия группы KISS. Он питал необъяснимое влечение к их примитивной музыке и даже был лично знаком со Звёздным мальчиком Полом Стэнли.

Журчали, как лесной ручей, аккорды любимой песни Кнеллера:

I was made for lovin' you baby

Я был создан для того, чтобы любить тебя, детка.

You were made for lovin' me

Ты была создана для того, чтобы любить меня.

And I can't get enough of you baby

И я не могу насытиться тобой, детка.

Can you get enough of me

Можешь ли ты насытиться мной

I was made for lovin' you baby

Я был создан для того, чтобы любить тебя, детка.

You were made for lovin' me

Ты была создана для того, чтобы любить меня.

And I can give it all to you baby

И я могу отдать все это тебе, детка

Can you give it all to me

Можешь ли ты отдать мне всё это

Oh, can't get enough, oh, oh
О, не могу насытиться, о, о

I can't get enough, oh, oh
Я не могу насытиться, о, о

I can't get enough
Я не могу насытиться

Yeah, ha
Да, ха

Чувства музыканта были не столь... оригинальны, но Кнеллеру действительно казалось, что Аня создана для него. Для его неземных рецепторов, для его тонкой, эстетичной натуры. И Питер тоже не мог насытиться ею, хоть и не в том смысле, который вкладывал в строчки Стэнли.

Кнеллер даже тихонько подпел солисту бархатным, чуть хриловатым голосом. Машина, шурша шинами, выползла на дорогу. Он не торопился: время не имело значения. Важна была только она — Аня.

Глава 22

Аня проводила взглядом чёрный автомобиль Кнеллера. Она пролежала без сознания всю ночь. А он... Мог сделать всё, что угодно, и она даже не узнала бы.

Только сейчас ей пришла мысль осмотреть себя. Ветровку, конечно, Кнеллер снял. Вон она, висит на стуле. Аня схватилась за молнию джинсов: застёгнута. Хотя это ещё ничего не значит — он мог просто привести её в порядок. После того как...

Подходящее слово не хотело ни выговариваться, ни думать. Аня нервно сглотнула, наскоро ощупала открытые части тела: руки, шею, лицо. Задрала футболку — вдруг на животе синяки. Нет, вроде всё цело. И ощущения в теле не изменились: ничего не болело, не ныло.

Взгляд упал на кровать. Аня провела ладонью по шёлковой простыне — ни единой складочки, словно на ней никто не лежал. Тяжело опустившись на постель, она вцепилась в край одеяла. Кнеллер не тронул её физически. Но почему? Может, хотел слышать, как она кричит от боли? Каких только тварей на свете не существует.

Его слова про эксперимент... Что он имел в виду? Какие условия он считает подходящими? Что вообще это значит, чёрт возьми?

Сумка! — выстрелила внезапная мысль, заставив вскочить на ноги. А в ней — телефон! «Пожалуйста, пусть она найдётся и пусть мобильник окажется там».

Девушка забежала по комнате, проверяя каждый уголок. На столе и подоконнике нет, под кроватью тоже.

«Туалет? Абсурд, конечно, но вдруг».

Но и там было пусто. Осталась лишь одно непроверенное помещение: ванная. Без особой надежды Аня толкнула дверь.

Эта комната по размерам даже превосходила спальню. Ярко-синие стены, кипенно-белые полотенца и огромное джакузи с подсветкой прямо в центре. Всё здесь дышало чужим миром — миром богачей. Стерильным и безжизненным, как сам Кнеллер.

Аня даже замерла на миг, впечатлённая масштабами. В её собственной квартире в ванную можно было разве что сесть, и ноги распрямить уже не получалось.

— Место для совместных заплывов? — передёрнуло Аню. — Или островок мнимой безопасности для пленницы?

Кран раковины для умывания был сделан в виде шутовского колпака. Что-то похожее на джокера из колоды карт. Вместо глаз у него сияли голубым крохотные камни, а из хищно ухмыляющегося рта падала вода, разбиваясь о каменную раковину с глухим плеском.

Аня обвела пальцем острые кончики колпака. Металл неприятно холодил кожу, а камни-глаза, казалось, следили за ней, как живые.

«Он ещё страннее, чем я думала. Зачем здесь этот символ?».

Аня наклонилась над раковиной, умылась тёплой водой. Капли стекли по лицу и исчезли под футболкой. Вместе с ними как будто стекла и часть усталости и напряжения. Аня разогнулась, потянулась за полотенцем и упёрлась взглядом в свою сумку на крючке. И как она раньше не заметила!

Рука, уже схватившая было полотенце, замерла. Наконец-то! Нашла!

Аня схватила сумку, резко вжикнула молнией. Мобильника, увы, не было. Зато под пальцами неожиданно хрустнула бумага.

Аня вытащила сложенный пополам плотный лист. Матовая поверхность, буквы П. К. на одной из сторон. И всего две фразы внутри: «Твой телефон я забрал. Мы ведь не можем прервать эксперимент в самом начале?».

Глава 23

Из ванной Аня выползла: опустошённая и потухшая. Конечно, она не думала, что Кнеллер оставит ей такую лазейку, как телефон. Но в сердце до последнего теплилась надежда. А теперь её слизнуло отчаянием, как песочный замок приливом.

Паркетные доски складывались в замысловатый узор, и Аня остолбенела, когда разглядела его. Паутина, расходившаяся во все стороны от кровати в центре комнаты. И непонятные символы в секторах: глаз, пронзённый стрелой, знаки бесконечности, кривые буквы А. Жутко и таинственно. Кнеллер что, сумасшедший?

Мысль продырявила сердце ржавым гвоздём. Если он безумен... здесь не просто опасно — непредсказуемо опасно.

Аня кружила по комнате, стараясь не глядеть под ноги. Носа коснулись ароматы чего-то съедобного. Ах да, Кнеллер же говорил что-то про еду. Заботливый, сука!

Она покрутила головой и заметила низкий столик у стены с горкой еды на подносе. И, вопреки панике и страху, ее желудок злобно заурчал. Неудивительно — последний раз Аня ела вчера днём.

Она подошла ближе, с сомнением уставилась на поднос. Кнеллер создал целую композицию: изящную, умопомрачительно пахнущую, идеальную. Аккуратно нарезанные ломтики арбуза с вынутыми семечками. Кольца ананаса одинаковой толщины. Ветчина, сложенная горкой на тарелке. До безобразия ровные ломтики сыра. На краю подноса — шоколадные конфеты в хрустальной вазе и бутылка красного вина.

Аня горько усмехнулась: Кнеллер хочет, чтобы она выпила и расслабилась? Или чтобы напилась и забылась? А может... еда вообще отравлена. От безумца можно ждать чего угодно.

Сглотнув голодную слюну, Аня отвернулась от подноса. Слишком опасно. Она подождёт, пока Кнеллер вернётся, и заставит его попробовать первым. Знать бы ещё, когда это случится. Сегодня, завтра, через неделю? Или вообще... никогда?

«Маленький эксперимент, — прозвучал в голове бархатно-равнодушный голос. — В подходящих для изучения условиях».

Что он имел в виду, говоря это? Догадки возникали в сознании одна за другой и оседали в груди удушливой волной. Что ему нужно? Её покорность? Её страх? Или... что-то выходящее за рамки логики и здравого смысла?

Может, он и здесь следит за ней? Взгляд Ани заметался, отыскивая неправильности на стенах и потолке. Вон в тот датчик дыма среди лепнины легко можно вставить камеру. А, может, она в одной лампочке в люстре. Один неработающий плафон: кто обратит внимание?

На стене слева от двери белел выключатель. Аня щёлкнула клавишей и заорала в голос. То, что снизу казалось обычными плафонами, превратилось в имитацию женских голов с искажёнными лицами. Свет придавал им форму, делал их почти настоящими.

— Сумасшедший! — прошептала Аня. — Больной на голову!

Аня заставила себя осмотреть головы. Нет, они горели одинаково ярко — ни одна не погасла. Значит, там, скорее всего, камеры нет. Аня поскорей выключила свет, и плафоны снова приняли мирный вид.

В глаза бросился книжный шкаф слева. Высотой почти до потолка и шириной с полстены, он был завален книгами и декоративными предметами. Может быть, камера там.

Аня бросилась к шкафу, подставила к нему стул, но даже с него достала лишь до третьей полки. Девушка безжалостно швыряла книги на пол, не заботясь об их сохранности. За первым рядом обнаружился второй — Аня раскидала и его. Спрыгнув, она с грохотом проволочила стул по полу, царапая паркет, и швырнула его к другой секции шкафа.

— Я тебе тут сейчас всю комнату закидаю, говнюк, — шипела Аня.

Злость вибрировала на кончиках пальцев, срывалась вместе с книгами на пол. Каждый шлепок заставлял сердце радостно сжиматься. Хотя так, но она навредит Кнеллеру.

Полки пустели, названия мелькали перед глазами, почти не отпечатываясь в сознании. Чёрт, здесь, кажется, тоже нет камеры. Зато в глубине полке Аня наткнулась на фарфоровую статуэтку. Фигурку женщины в длинном платье с закрытыми глазами.

Аня взяла её в руки, коснулась гладкой поверхности. Статуэтка напоминала античных богинь, но вместе с тем казалась какой-то... нездешней. Словно её не выдумала фантазия скульптора, а воплотила в глине некая сила, враждебная этому миру.

Покрутив статуэтку в руках и не найдя там места под камеру, Аня поставила её обратно на полку. Но, едва она это сделала, фигурка вдруг... открыла правый глаз, а левый плотно зажмурила. Выходило, будто статуя подмигнула Ане.

Девушка отшатнулась, чуть не рухнув со стула. Она снова схватила статуэтку, вгляделась в бледное лицо с кровавыми губами. Богиня вновь прежний вид. Но ведь Аня точно видела движение фарфоровых век. Или то была игра воображения?

Аня вернула статуэтку на место, стукнув основанием о полку. Фарфор жалобно простонал, но выдержал.

Поиски камеры потеряли всякий смысл. Очевидно, что она спрятана слишком хорошо.

Голод, усталость и нервы взяли своё. Аня поковыляла к кровати, отшвыривая ногами в сторону выброшенные книги, и бессильно повалилась на постель лицом в подушку. Слёзы душили ее, рвались наружу. И на этот раз она разрешила себе выплакать отчаяние и страх.

Она плакала тихо, вздрагивая всем телом и бормоча ругательства. Сердце выворачивало от боли, но слёзы не успокаивали. Чем больше солёной воды вытекало из её глаз, тем сильнее оно сжималось.

Слезы кончились, но Аня продолжала лежать, пока в комнате не стемнело. Мокрая подушка раздражала кожу, только сил перевернуть ее или передвинуться не осталось. И вдруг в замке проскрежетал ключ, прорезав вязкую тишину.

Резкий звук заставил Аню умолкнуть и приподнять голову. Наскоро вытерев лицо одеялом, она села на постели. Кнеллер не застанет её рыдающей...

Глава 24

Кнеллер освободил себе вторую половину дня, чтобы успеть доехать до загородного дома к вечеру. Три дня назад он дал отпуск своему водителю Сергею, как делал всегда перед очередным похищением. Если будет нужно, он вернёт шофёра, а пока справится и сам. Чем меньше лишних свидетелей, тем лучше.

Перед выходом ему занесли документы об увольнении на Анну Орлову и тонкий хрустящий конверт. Его Кнеллер ждал с особым нетерпением и сразу разрезал канцелярским ножом.

Внутри лежало уведомление о полном погашении долга. Кнеллер внимательно изучил строчки: да, всё идеально. Теперь Аня должна не банку, а ему. Лишний рычаг нажима и одновременно гарантия, что ее не будут искать коллекторы.

Он положил документы и конверт в синюю папку и поднялся со стула. Поймал себя на мысли, что думает о своей подопытной. Как она там — одна, в пустом доме?

Точным движением руки Кнеллер отправил папку в дипломат, щёлкнул замком. Выходя из кабинета, кивнул секретарше.

— Меня не будет до конца недели. Если что, звоните. До свидания, Алина.

— До свидания, господин Кнеллер, — лучисто улыбнулась она.

Так сияла, словно он подарил ей виллу на Мальдивах, и пахла спелой земляникой. Секретарша хотела его и, возможно, надеялась когда-нибудь заинтересовать. Глупая — вздумай он правда ею увлечься, она давно стала бы призрачной жрицей богини.

Большинство женщин, едва завидев его, готовы были броситься в его объятия. Но он всегда скучал рядом с такими — слишком предсказуемо. То ли дело Аня: не ломается — только гнётся. Впрочем, где-то и у неё есть предел.

Дорога заняла несколько часов, и большую часть этого времени Кнеллер простоял в пробке. Вокруг сигналили и матерились водители, а он спокойно ждал. Его не раздражали эти мелкие "гвоздики", гордо именуемые людьми, — они его вообще не интересовали. Вечно носятся со своими мелочными проблемами и заботами. Он, Кнеллер, выше этого.

И даже Аня привлекает его лишь потому, что не такая, как все. Когда она сломается, наверняка станет обычной и потому предсказуемой. Будет плакать и умолять, как все остальные жертвы до нее. Он видел такое 999 раз.

Дом встретил его зловещей тишиной. Кнеллер подстроился под неё, мягко ступая по паркету. Аня не должна раньше времени догадаться о его приходе — девушку нужно застать врасплох. И, может, тогда она удивит его и выдаст новый захватывающий коктейль эмоций.

Что это будет? Гнев и страх? Отчаяние и боль? Или опустошение и ледяное презрение? В каждом из этих ароматов своя прелесть, а уж когда они смешиваются... Кнеллер невольно вдохнул поглубже, и ему почудился лёгкий аромат солёного морского бриза — признак гнева.

«Надеюсь, мне не кажется. Этот аромат — один из моих любимых».

Скрежет ключа разорвал тишину, словно выстрел. Кнеллер толкнул дверь, и ехидная усмешка искривила его губы. Его книги как попало валялись на полу, а полки книжного шкафа чернели кротовыми норами. Она что-то искала или просто выплёскивала эмоции. Хорошо. Очень хорошо.

— О, вижу, ты отлично провела время без меня, — с иронией заметил Кнеллер. — Я как раз планировал генеральную уборку.

Он лениво разглядывал девушку, ожидая ответа. Аня сидела на постели, неестественно прямая. Её взгляд полыхал решимостью и внутренней силой, хотя она, очевидно, много плакала. Опухшее лицо и красные глаза не оставляли никаких сомнений.

А как от неё пахло! Просто чудесная смесь из обжигающей ненависти, презрения и мрачной решимости. Жареный бифштекс с кровью, приправленный перцем, и кусочек горького шоколада на десерт. Гнев тоже присутствовал, хоть и не такой сильный, как надеялся Кнеллер.

Кнеллер боролся с желанием подойти ближе, наклониться над её шеей и, прикрыв глаза, насладиться симфонией запахов. Но тогда он слишком рано выдаст себя. Нет, он хотел, чтобы Аня сама раскрывала его тайну. Постепенно, будто снимая с него слой за слоем.

Кнеллер медленно приблизился к Ане, сел рядом. Она отодвинулась к изголовью кровати, не сводя с него пронзительного взгляда. К аромату присоединились лёгкие нотки отвращения. Хм, как занятно!

— Не хочешь меня видеть? — спокойно и мягко произнёс он. — Что ж, это объяснимо. Но, к сожалению, не могу доставить тебе этого удовольствия.

— Тогда съешьте ветчину с подноса и доставьте мне радость своей смертью, — огрызнулась девушка.

— Как мило! Ты решила, что я тривиальный отравитель. Тут вынужден тебя разочаровать. Но, раз уж тебе так страшно есть в моём доме, так и быть. Поужинаю с тобой вместе.

Он приглашающим жестом указал на столик с едой. Не дожидаясь ответа, переставил к нему кресло и стул. На последний уселся сам и выжидательно уставился на Аню. Подойдёт или выкажет неповиновение? Что окажется сильнее: голод или сила духа?

Аня сидела замерев, будто собираясь с мыслями. Кнеллер физически ощущал, как она колеблется, и нарочно склонился над подносом.

— Ах, какой сладкий аромат! Именно такие ананасы мы закупаем для «Золотого лотоса». А вот этот сыр, — Кнеллер взял в руки мягкий кусочек с прожилками голубой плесени, — настоящий деликатес. Ты когда-нибудь пробовала Дор блю, Аня?

— Теперь Вы решили купить моё расположение за еду? — зло бросила она. — Не выйдет.

— Не знаю, почему ты так решила. На самом деле мне безразлично, что ты обо мне думаешь. Даже интереснее, если ты меня ненавидишь или презираешь. Впрочем, — Кнеллер сделал паузу, — капелька уважения не помешает.

Он отправил сыр в рот и зажмурился от блаженства. Изысканная еда и напитки — вот что заменит ему ароматы эмоций, если вдруг он лишится своих способностей.

— Уважение? Вы потеряли его в ту секунду, когда предложили поучаствовать в этом Вашем... эксперименте.

Она вложила в голос столько яда, что он должен был пасть замертво. Если бы Аня обладала такой магией.

Девушка внимательно следила, как он ест, изредка бормоча ругательства. Когда Кнеллер перепробовал большинство закусок, она присоединилась к нему. Сделав себе бутерброд с ветчиной, захрустела поджаренным багетом.

— Вот и правильно! — кивнул Кнеллер. — Умирать от голода — так себе идея.

Глава 25

Кнеллер внимательно следил, как Аня ест, наклонив голову набок и едва заметно улыбаясь. От этого взгляда еда застревала в горле, но девушка заставляла себя жевать. Обессиленная, Кнеллер внимательно следил, как Аня ест, наклонив голову набок и едва заметно улыбаясь. От этого взгляда еда застревала в горле, но девушка заставляла себя жевать. Она не сможет бороться обессиленная. От предложения Кнеллера выпить вина она благоразумно отказалась.

— Зря, Аня. Это, между прочим, Шато Марго 1955 года. Редкий экземпляр.

— А Вы, господин Кнеллер, коллекционируете редкости? — не удержалась она от шпильки. — На это тратите свои богатства?

— А разве деньги существуют не для того, чтобы их тратить? — пожал плечами он. — В разумных пределах, конечно.

— Ваше “разумное” выходит за рамки доходов обычного человека. Но Вам, конечно, этого не понять.

Кнеллер приподнял брови в недоумении. С колотящимся сердцем Аня ждала ответа. Вот сейчас он точно рассердится — просто обязан рассердиться.

Но больше никаких эмоций на лице Кнеллера не отразилось. И голос его звучал расслабленно и спокойно.

— Когда я изучал твое досье, Аня, то сразу обратил внимание на любопытный факт. Ты ненавидишь состоятельных людей, даже презираешь их. И хотя для бедного испытывать ненависть к богатому вполне нормально, но ты вкладываешь в эти чувства нечто личное.

— Досье, значит... — горько усмехнулась Аня. — Я догадалась, что Вы за мной следили. Но, оказывается, Вы ещё и в моей жизни копались. И насколько подробно Вы меня... изучили?

Аня взяла с подноса виноград, раздавила его в ладони. Липкий сок потек по пальцам, распространяя вокруг сладкий аромат.

— О, я только начал знакомиться с тобой по-настоящему, Аня, — бархатным голосом произнёс Кнеллер. — И ты превзошла все мыслимые ожидания. Твое нападение — бесподобно, ароматная моя. Но, кажется, ты устала. Уже поздно, а завтра тебя ждет трудный день.

Кнеллер поднялся, прошагал к книжному шкафу. Взял фарфоровую статуэтку с полки, поднёс к глазам.

— А я и забыл о ней. Спасибо, что нашла ее, Аня. Спокойной ночи, прелесть моя. Не забудь прибрать тут перед сном. Или не убирай — как хочешь.

И он покинул комнату, прежде чем Аня успела что-то сказать. Ключ снова повернулся в двери.

— Сволочь! Какая я тебе прелесть! — зло выкрикнула она в пустоту.

Утро вырвало Аню из сна, в котором ее тоже преследовал Кнеллер. Улыбался своей хищной гаденькой улыбочкой и щёлкал зубами. Статуэтка в его руках танцевала, словно живая. И шептала странные слова: «Тысячная жертва».

С колотящимся сердцем Аня села на постели и заорала: его лицо было так близко. Она отшатнулась, в панике цепляясь за одеяло. Хорошо хоть она спала одетой.

— Испугалась, А-ня? — издевательски протянул Кнеллер. — А я... зашёл, чтобы показать тебе мой маленький сюрприз. Вижу, ты всё-таки навела порядок. Похвально.

Аня стукнула кулаком по изголовью кровати. Хотелось врезать в его ухмыляющуюся физиономию, но что-то останавливало. Быть может, его взгляд: холодный, непроницаемый.

— Вы... всегда так будете являться, когда вздумается? Мне начинать бояться туалета?

— Ты забываешь, Аня, что это мой дом и я в нём хозяин, — возразил Кнеллер с убийственной уверенностью в своей правоте. — Но, пожалуй, туалет я оставлю в твоём полном распоряжении. Однако ты не спросила, что за сюрприз я приготовил.

Кнеллер помахал конвертом. Аня перевела взгляд на его руки с редкими тонкими волосками. Она впервые видела Кнеллера не в дорогом костюме, а в домашней одежде. Белоснежная рубашка с закатанными рукавами, простые чёрные брюки.

— Зная Вас, трудно предположить, что сюрприз будет приятным.

— А вот и ошиблась, прелесть моя. Открой, и сама убедишься.

Он протянул Ане конверт, предвкушающе улыбаясь. «Прелесть» — затолкать бы ему это слово обратно в глотку. Пальцы дрогнули, когда Аня забирала письмо.

Смысл фраз дошёл до неё не сразу. «Ваша ипотека по адресу... погашена в полном объёме». Аня перечитывала снова и снова, подносила листок к глазам. Он только что уничтожил последний якорь, привязывающий её к миру за стенами особняка.

Девушка медленно скомкала лист, зажала в кулаке.

— Зачем? — вырвалось у неё.

Кнеллер молчал. Сидел, зажмурившись, и принохивался к чему-то. Она уже видела этот жест, но так и не могла его понять.

— Прекратите так делать! Я... не понимаю.

Кнеллер медленно, словно нехотя, приоткрыл один глаз.

— Бифштекс, полынь, немного перца, — понёс какую-то околесицу он. — Жасмин — сегодня совсем мало. А это... что-то новенькое. Табак. Возмущение.

— Чего? — опешила Аня.

— Я говорю, ты превосходно справляешься, — выдал Кнеллер. — Гораздо лучше, чем я мог ожидать.

— Сумасшедший... Точно сумасшедший... — прошептала Аня.

Но Кнеллер услышал.

— Если ты не видишь в чём-то смысл, это не значит, что на самом деле его нет. Отдыхай, скоро принесу тебе завтрак.

Глава 26

Она просыпалась в чужом доме уже девятый раз. И каждое утро выглядело иначе. Тихое и молчаливое — с подносом на столике и запиской: "Доброго утра, прелесть моя". Пугающее до икоты — с молчаливым Кнеллером у изголовья постели. Шумное — с металлическим скрежетом в глубине дома и торопливыми шагами над головой. И сегодняшнее — просто... другое.

Аня точно помнила, что накрывалась перед сном. И что, как обычно, не раздевалась. А сейчас одеяло было откинута в сторону, и по телу разливался странный холодок.

Мозг отказывался верить глазам: она лежала на постели в коралловом кружевном безумии. Словно была рыбкой подводного рифа.

Кровь бросилась в лицо: Кнеллер её трогал! Любовался её голым телом, а потом облачил его в то, что хотел на ней видеть.

Аня вскочила, суетливо забегала по комнате. Старые джинсы и футболка словно испарились, но зато на стойке у книжного шкафа висели новые наряды. В основном платья — воздушные и нежные, как цветы. А под стойкой стояли коробки с туфлями.

Чистая злость закипела внутри, подбираясь к крышке кастрюли. Аня сорвала самое красивое платье — голубое, с откровенным декольте, — и, скомкав, швырнула в сторону двери.

— Сволочь! Мерзавец! Шизофреник чёртов! Ублюдок!

Он касался её своими бесстыжими пальцами. А может... трахнул втихаря, пока она сладко спала. И убрал следы ночного происшествия. Или вообще снял её на видео. Чтобы пускать на неё слюни в любом месте в любое время.

За дверью послышались шаги. Кнеллер.

Аня заметалась, не желая ни надевать его "подарок", ни показываться на глаза... такой. Она бросилась к постели, наскоро замоталась в одеяло по самый подбородок. И встала напротив двери в ожидании скрежета ключа.

Дверь открылась, и Кнеллер остановился на пороге. Не в рубашке и брюках, — в шёлковой пижаме цвета хвои.

«Это потому, что он приходил ко мне ночью», — билась молотком мысль.

Улыбка на его лице походила на оскал, а его глаза впервые сияли, как звёзды. Он нагнулся, поднял брошенное Аней платье.

— Ну что же ты, А-ня, — ласково протянул он. — Такую красивую обёртку не стоит швырять как попало. Разве я не угадал с цветом?

— С конфетой ты не угадал! Желе с грильяжем перепутал! Ну и как, понравилось куклу наряжать?

Она извергала слова, как рвоту, но легче не становилось. Слишком много отравы проникло в душу.

Кнеллер встряхнул платье, аккуратно положил на кровать. Цокнул языком, заметив складки, и провёл ладонью над тканью. Платье разгладилось, словно по нему прошёлся отпариватель. Это что, снова фокусы? Как тогда, в ресторане?

— Мне, конечно, нравится твоя жгучая ярость, Аня. Чеснок — именно то, чего не хватало в твоём коктейле ароматов. Но, прости, я тебя и пальцем не тронул. Считаю это переодевание маленьким... чудом. И не советую отказываться от платьев. Они не виноваты, что достались тебе.

Аня хлопала ресницами, переводя взгляд с платья на Кнеллера и обратно. Он просто погладил воздух... И... ткань стала гладкой и ровной. Но так ведь не бывает.

«Гипноз? Галлюцинации? Я схожу с ума?»

Кнеллер усмехнулся, будто прочитав её мысли.

— Подумай ещё, Аня. Ты же умная девочка. И, знаешь, коралловый тебе идёт. Подходит к твоим... глазам.

Аня вздрогнула, когда Кнеллер шагнул к ней. Лёгкие вдруг забыли, как дышать, а сердце трепыхалось, как рыба на крючке. Он протянул руку, коснулся завитков её волос.

— Твоя стрижка великолепна. Она отражает тебя. Никогда не отращивай волосы, прелесть моя.

— Стричь меня тоже сами будете? — упрямо вздёрнув подбородок, съязвила Аня. — Как собачку?

Волна недовольства на миг исказила его лицо. Голубые глаза заледенели и потухли. Он опустил руку.

— Хочешь поиграть, девочка? Хорошо, я не против. Только не воображай, что можешь меня победить. Я приду к тебе ... позже. А пока... Наслаждайся, одиночеством, Аня.

Глава 27

Особняк погрузился в мёртвую тишину. Казалось, сейчас из стены вылезет призрак — холодный и безжалостный, как Кнеллер. Но минуты текли, а никто не появлялся.

Аня сидела на краю кровати, всё в том же одеяле, и водила пальцем ноги по паркету. Буква "А" на паутине то скрывалась, то появлялась вновь.

«Разгладил рукой платье... Разозлился на... мою дерзость. Но не ударил, а просто... ушёл. Пригрозил, конечно. Вот только звучало это как «моя игрушка сломалась, и я расстроен».

В сознании вспыхнуло: ресторан, воздух сгустился, лампы вспыхнули и погасли дважды. И она не могла выйти из VIP-комнаты, а Савелий не мог в неё войти снаружи. И ещё навязчивое желание сесть рядом с Кнеллером. С тем, кого она презирает за самый факт существования.

«Это не всё. Было... что-то ещё. Что-то важное и безумное».

Нога описала круг на полу. Мелькнул символ: перевёрнутая восьмёрка.

Вот оно! Знак бесконечности. В тот день, когда наивная Аня пришла просить у Кнеллера защиты, он рисовал этот знак в блокноте. И здесь, на паркете, он не случайно.

«Связь... Я должна понять, как связаны эти вещи. И... происходит ли это на самом деле».

Аня сбросила ставшее вдруг жарким одеяло. Сорвать бы кружева ко всем чертям и разодрать в клочья! Но... тогда она останется совсем беззащитной. Уступить в малом — необходимость. Она ведь хочет выиграть войну.

Она влезла в голубое платье. То самое, дразняще прекрасное. Надела туфли на низком каблуке. Покрутилась и впервые сообразила: здесь нет больших зеркал. Только маленькое зеркало на стене в ванной комнате.

Аня улыбнулась и, запрокинув голову к потолку, чётко и ясно произнесла:

— К следующему Вашему приходу мне жизненно необходимо зеркало. В полный рост.

Она испортила всё веселье. Её прекрасный букет ароматов вдруг сузился до одного: скучного и пресного самоуважения. Оно даже пахло иначе: свежестью горного озера. Кнеллер терпеть не мог такие ароматы.

И теперь, сидя в офисе и изучая документы, он мысленно возвращался к ней. Чем удивить её вечером? Заставить склониться перед ним? Показать комнату с рисунками? Нет, нет. Слишком рано.

Он сосредоточился на комнате пленницы. Иногда, если хотел, он мог слышать её даже сквозь стены и расстояние. Преимущество его древней природы.

Его прелесть просила зеркало. В полный рост и немедленно. Кнеллер усмехнулся, открыл красный блокнот и записал:

«Praemonitus praemunitus (лат.) Кто предупреждён, тот вооружён».

— Будет тебе зеркало, А-ня, — произнёс он, растягивая гласные. — И мы славно поиграем.

Глава 28

Он явился вечером и шумно. Звон и глухой стук предшествовали его приходу. Но Аня была готова к встрече. Она подошла к столику и схватила металлический поднос для еды. И уставилась на замочную скважину.

«Сейчас станет ясно, человек он или... Порождение моего воспаленного сознания».

Первым в комнату заползло... зеркало. Большое, круглое, с витиеватой рамой, будто присыпанной пылью. И с мутным стеклом, в котором отражалось голубое пятно. Если присмотреться, можно угадать в нём себя.

«Он... как он узнал? Камеры всё-таки есть?»

Но почему-то она сомневалась в своём выводе. Казалось, он слишком реален, чтобы быть правдой.

Зеркало поднялось над полом, и Аня метнула поднос. Он со свистом полетел к двери, но вдруг застыл в воздухе. Из-за зеркала раздался невозмутимый голос Кнеллера:

— Не советую, прелесть моя. Лучше взгляни, что я тебе принес.

Зеркало отодвинулось влево, вставая у стены. Поднос описал круг по комнате и с легким стуком опустился на столик. А Кнеллер... просто стоял, опустив руки. Его взгляд был прикован к Ане.

— Невозможно, — одними губами прошептала она.

В голове зашумело, и Аня закрыла уши ладонями.

— Твой подарок ждёт, — мягко произнёс Кнеллер. — Ты ведь ещё не видела себя в новой одежде?

Он потянул Аню за руку к зеркалу. И, когда Кнеллер встал позади неё, мутное стекло прояснилось.

Синий костюм, брошь с паутиной, длинные волосы забраны в низкий хвост. Чем-то знакомым веяло от него, но память молчала.

— Ты восхитительна, Аня, — произнес Кнеллер прямо над ухом. — Так и вижу твой портрет на холсте в этом платье. Чуть больше огня в глазах, другая поза. Что-нибудь призывно-соблазнительное.

Он критически оглядел ее в зеркале, словно примеряя образ.

— Или нет. Абсолютная покорность: взгляд в пол, виноватая улыбка. Как тебе, Аня?

Прохладные ладони Кнеллера легли на её талию. Обхватили крепко, но не больно. Он дышал ей в затылок, а в зеркале отражалась хищная улыбка.

«Кто... он такой? Что он такое?».

Зазеркальная Аня прикусила губу, и капелька алой крови выступила на нежной коже. Титаническим усилием Аня настоящая вернула себе невозмутимый вид. Но сердце билось под платьем так быстро — оно не хотело успокаиваться. Кнеллер прижал её теснее, и Аня почувствовала ровный, ритмичный стук. Как метроном, монотонно отсчитывающий такт.

— Ммм... Жасмин вернулся. Такой сладкий запах, — промурлыкал Кнеллер.

Надо терпеть. Надо выдержать все его манипуляции. И всё запомнить.

— С размером... я угадал. И с цветом тоже. Но, знаешь, кое-чего не хватает.

В зеркале возникла кисть для рисования. Она коснулась Аниного отражения, словно нанося невидимые мазки. Коричневый на веки, чёрный на ресницы, персиковый на щёки, малиновый на губы. Кнеллер причмокнул губами и довольно улыбнулся.

— Так ведь лучше, правда? Не надо прятать свою красоту.

— Она... не настоящая, — нахмурилась Аня. — Слишком... яркая.

— Просто ты ещё не привыкла. Но времени у нас много.

Кнеллер в отражении медленно снял пиджак, швырнул на пол. Расстегнул две верхние пуговицы белой рубашки, закатал рукава. Настоящий Кнеллер тем временем шептал на ухо:

— Какая ты аппетитная, Аня! Твоё сопротивление прекрасно. Но что, если я помогу тебе обнажить... и другие твои чувства.

— Вы и так их прекрасно знаете, — тоже шёпотом ответила она.

— А я думаю, у тебя есть потенциал. Ты просто не знаешь себя.

— Пошёл ты к черту, Кнеллер! — выругалась она, и голос дрогнул на последнем слове.

— Питер. Меня зовут Питер, Анечка. Называй меня так.

Она нахмурилась и упрямо вздёрнула подбородок:

— Единственные обращения, которые Вы заслужили, — мерзавец и подонок. А, ну ещё маньяк.

Кнеллер заинтересованно склонил голову набок. Словно изучал, что не так с его игрушкой. Почему она так яростно сопротивляется.

— Пахнешь потрясающе, Аня. Но, думаю, можно разнообразить букет.

Правая ладонь поднялась в воздух, к лицу Ани. Пальцы легонько, почти ласково, шлёпнули по щеке. Девушка вздрогнула от неожиданности, часто задышала и вцепилась в его руку дрожащими пальцами.

Это был давний и самый тайный страх, который она скрывала даже от самой себя. Но Кнеллер своим жестом вновь вызвал его к жизни.

Его лицо в зеркале прояснилось. Аню охватила паника. Он понял. Он всё понял.

Глава 29

Утренняя Аня была просто прекрасна. Но эта, вечерняя, — восхитительна! Как эффектно она швырнула в него поднос! И почти не испугалась его природы, словно до конца не верила в его существование. Не то что те, другие, которые падали ниц, даже не досмотрев представление до конца.

Она хорошо прятала страх. Пыталась уколоть его самолюбие меткими прозвищами. Ну не прелесть ли?

Но жасмин так и пробивался сквозь ненависть и презрение. Кнеллер вдыхал его с наслаждением и хотел большего.

Что, если он прижмёт её к себе немного теснее, чем следует? Или предложит называть себя по имени? Как она ответит на его выпад?

Она старалась. Очень старалась. И держала удар даже в самые напряжённые моменты. Лишь дрожащий голос и быстрое биение сердца выдавали её истинные чувства. И, конечно, запах жасмина.

Кнеллер видел: обычные методы тут не работают. Нужна провокация. Чтобы вскрыть её самые тайные страхи. Те, которые засели в подсознании. Те, которые не подчиняются воле.

Он перебирал в голове средства для достижения цели. Возможно, стоит сделать физический контакт более... личным?

Аромат жасмина усилился прежде, чем рука Кнеллера коснулась щеки. Аня выдала себя раньше, чем это поняла. А потом подтянулось тело: зрачки в отражении расширились, дыхание участилось. Она стиснула его ладонь в безотчетном порыве. Ее безразличие, тщательно натянутое на лицо, треснуло и разбилось. Аня не удержала маску. Любопытно.

Зеркальная Аня заметалась, а жасмин заполнил всю комнату своей сладостью. Кажется, Кнеллер только что обнаружил истинное сокровище. Её *Timor secretus* — тайный страх.

Кнеллер провёл вдоль выреза платья, намеренно заходя за границу. Аня в его объятиях вздрогнула и попыталась вырваться. Но зеркальная Аня запрокинула голову и прикрыла веки. Лёгкая улыбка блуждала на малиновых губах.

— Что это? Почему она... так делает?

Ароматы стыда, возмущения и брезгливости поплыли по комнате. Всё, что угодно, кроме страха.

Кнеллер зашелся в восторге. Ключ найден, осталось лишь открыть дверь.

— Ты ведь знаешь, я могу приказать тебе, — снова шепнул он на ухо Ане.

— Ну так прикажите, — зашипела она. — Добровольно я всё равно не сдамся.

— Не хочу. Это слишком скучно. И совсем не возбуждает.

Кнеллер щёлкнул пальцами. На мгновение комната погрузилась во мрак. А когда свет вспыхнул снова, в зеркале отражалась лишь Аня.

Кнеллер усмехался, глядя, как девушка растерянно озирается, ходит по комнате, заглядывая в углы и под кровать.

— Где он? Он ведь... не выходил. Снова магия?

Ну конечно, глупенькая, ну конечно. Кнеллер тихо крался за ней. Вот Аня встала у окна, взгляделась в темноту. Подождав немного, Кнеллер резко обнял её, прижал к себе. Она вскрикнула от неожиданности: для неё он всё ещё был невидим.

— Ну тихо, девочка, тихо! — успокоительно шепнул Кнеллер, медленно проявляясь. — Это всего лишь я. Ты же не думала, что мы закончили.

Аня дёрнулась, но Кнеллер держал её крепко. Игра становилась всё интереснее.

— Отпустите! — сквозь зубы процедила она и топнула ногой.

Она и правда думает, что её мнение что-то значит? Смешная маленькая смертная.

Кнеллер коснулся её волос, вдохнул их аромат: цитрусовый, свежий, дерзкий. Он смешивался с запахами эмоций: ненависть, презрение, страх и... Что-то ещё. Что-то новое.

— Ты похожа на ягоды брусники: кисло-сладкие и терпкие. Мне нравится сочетание вкусов.

Кнеллер медленно провёл ладонью по открытому участку спины Ани. Её кожа под пальцами была тёплой и гладкой.

— Ты слишком напряжена. Я помогу тебе. Выплесни свою злость. Идём со мной.

Он силой увлёк её к зеркалу. Отражение расплылось, и вместо комнаты там появилось отделение полиции. А Кнеллер преобразился в наглого мажора — виновника той страшной аварии.

— Что, сука? Мечтаешь меня посадить? — искривив губы в ухмылке, выпалил мажор. — Не выйдет. Отец всё исправит.

Ненависть взметнулась над Аней фиолетовым изломанным контуром. Такая сильная, такая манящая! И пахла жареным бифштексом с кровью. Аня закричала фантому в лицо:

— Гад! Сволочь! Убийца!

Кнеллер взмахнул рукой — изображение свернулось и уступило место реальности.

— Твои эмоции такие сочные, такие... притягательные, — похвалил он девушку. — Ненавидь меня, презирай, бойся — что угодно, только не будь равнодушной. Хотя, знаешь, Аня, я чувствую и другой запах. Запах возбуждения.

— Не может такого быть! — затряслась она.

«Ну так не интересно, прелесть моя. Мне врать нельзя», — мысленно усмехнулся Кнеллер, а вслух сказал:

— Ты же не видишь себя со стороны. Посмотри сюда: твоя кожа пылает огнём.

Отражение в зеркале вспыхнуло пламенем, и Аня не сдержала испуганный вскрик. Только через несколько секунд до неё дошло: пламя лишь в зеркале.

— Я лишь визуализировал твои собственные чувства, Аа-ня-аа, — протянул Кнеллер.

— Дешёвые фокусы! — буркнула она.

Но Кнеллер видел: она сама себе не верит.

Теперь осталось последнее: её постыдный секрет. Наверняка она решила, что Кнеллер про него забыл. Но разве он мог отказаться от такой возможности?

— Ты когда-нибудь занималась любовью, Аня? — понизив голос, начал свою партию он. — Нет? Но что-то точно было, я знаю.

И вновь паника и последние отчаянные усилия защититься. Аня рванулась из его рук, побежала к кровати. Точно в центр паутины.

Кнеллер спокойно догнал Аню, присел рядом с ней.

— Рассказывай, прелесть моя. Сейчас или никогда.

— Ничего я Вам не скажу! Вы не имеете права!

О каких правах она говорит? В его доме у неё только одно право: проигрывать. Снова и снова.

— О, я могу делать всё, что захочу. И... тебе это тоже нужно. Ты так долго носишь тайну в себе.

Она опустила взгляд. Руки перебирали подол платья. Кнеллер выиграл бой.

— О чём вы? — тусклым, безжизненным голосом сказала Аня.

Почти подчинилась, почти открылась ему.

— Ты знаешь, — Кнеллер взял Аню за подбородок, заставил смотреть в глаза. — О том, от чего ты сбежала.

Ароматы её эмоций перемешались, создавая дикое, сумасшедшее и прекрасное сочетание. Напряжение между ними дрожало, как натянутая струна. Аня сглотнула и наконец заговорила:

— Что Вы хотите услышать? У меня был парень, мы... хотели... То есть он хотел, а я... сомневалась. Но он говорил: все так делают, это нормально. Когда ты мне уже разрешишь? Другие встречаются пару дней, и....

— И ты... — подтолкнул Кнеллер дрожащим от возбуждения голосом.

— Я уступила. Но когда мы оказались в постели, испугалась. И... и сбежала.

Она умолкла. Но Кнеллер чувствовал: она что-то утаила. Она оставила себе самое сладкое.

— Ты недоговариваешь, Аня, — нахмурился он. — Что-то было ещё.

— Нет, не заставляйте меня. Это только моё! — зло выкрикнула она

Кнеллер провел по её щеке, с удовлетворением отметив новый всплеск паники. Его пальцы оттянули нижнюю губу, на секунду скользнули внутрь. Теперь капельку магии, и она расскажет всё до конца.

Частичка силы отделилась от него и осела в сознании Ани. Глаза её остекленели и потухли. Ну вот — идеально.

— Он хотел тебя изнасиловать, так? Ответь мне, Аня.

— Да, — выдавила она. — Он порвал на мне бельё, а потом.... Ударил. В лицо, несколько раз. Я укусила его за губу и сбежала.

Слова обрушились, как гильотина на приговорённого к казни. Кнеллер взял ладонь пленницы в свои, бережно сжал.

— Запомни раз и навсегда: я никогда не сделаю такого с тобой. Ты сама придёшь. Без приказов. Без магии. Потому что захочешь.

Она не ответила. Уставилась в стену невидящим взглядом. Внешне безразличная, но внутри... О, внутри бушевала целая буря эмоций! И Кнеллер жадно пил их, не в силах сдержаться.

Глава 30

Кнеллер давно ушёл, сытый и счастливый, как клоп, насосавшийся крови. Аня осталась и долго сидела не двигаясь. Вихрь эмоций постепенно успокаивался, и на смену пришло... равнодушие.

Кнеллер вывернул её наизнанку, выскреб чайной ложечкой до дна. И Аня знала: это ещё не конец. Он не остановится, потому что не захочет.

Минуты текли, дом погрузился в сон. Аня наконец очнулась, медленно встала, подошла к двери. Включила свет и кинула быстрый взгляд в зеркало, которое снова ничего не отражало.

Аня побрела в ванную комнату, наполнила джакузи водой. На полках рядом стояли шампуни, бомбочки, даже укладочные средства. “Заботливый” Кнеллер явно разбирался в женских штучках.

Аня кинула бомбочку в воду. Вода зашипела и окрасилась в ядовито-розовый цвет. Аня усмехнулась и по шею погрузилась в жидкость. Прикрыла глаза.

Если забыть, где она, то даже приятно. Тёплая вода расслабляла и убаюкивала. Аня задержала дыхание и нырнула.

«Меня здесь нет. Я дома, в своей уютной квартире. Просто отдыхаю после рабочего дня. Или нет: я уволилась, получила наконец диплом, и меня взяли учительницей в школу. Как я и мечтала».

Воздух в лёгких закончился — Аня вынырнула. Вода потемнела, и казалось, что ванная наполнена кровью.

«Он хороший игрок? Ну и пусть. Зато я никогда не сдаюсь. И скоро он пожалеет, что вообще связался со мной».

Утро пришло слишком быстро. Ночь заставила Аню ворочаться на простынях в тщетной попытке уснуть. Она провалилась в беспамятство лишь перед рассветом.

Аня села на постели, спустила ноги на пол. Белая кружевная сорочка — очередной подарок Кнеллера — скользила по телу. Итак, умыться, почистить зубы и встретить Кнеллера во всеоружии.

Она долго плескалась в раковине, помыла волосы и уложила феном. Вчера на это сил не осталось. Как иронично — Кнеллер создал все удобства для пленницы, словно хотел компенсировать собственное поведение.

Аня вернулась в комнату, выбрала жёлтое платье. На удивление приличное — в стиле 50-х, с пышной юбкой и закрытой грудью. Она надела его и вдруг почувствовала: в комнате что-то изменилось.

Взгляд инстинктивно метнулся к двери. Призывно распахнутая створка так и манила выйти наружу. Кнеллер... Он что, издевается?

Аня выглянула в коридор, постояла изваянием у входа. Похоже, он решил, что она уже проиграла. Ну что ж, тогда пусть узнает цену своей победы.

Особняк у Кнеллера был большой. Длинные коридоры, высокие потолки. Ощущение потерянности и одиночества.

«Интересно, он сам тоже так чувствует?» — царапнула мысль, и Аня помотала головой, прогоняя ее.

Аня спустилась по лестнице вниз. Первый этаж одуряюще пах едой. Вчерашний вечер выдался суматошным, и Аня так и не поела.

Запах привёл её на кухню. Большую, напоминающую ресторанный, но совсем не уютную. У плиты стоял Кнеллер в белой рубашке и чёрных брюках и жарил сырники. Когда Аня вошла, он обернулся и, слегка поклонившись, сделал приглашающий жест.

— Проходи, садись, прелесть моя. С чем ты любишь сырники? С вареньем? С мёдом? Со сметаной?

— С неудобными вопросами и честными ответами, — глядя прямо в глаза Кнеллеру, ответила Аня.

Крохотную паузу перед его ответом можно было бы не заметить, но Аня внимательно отслеживала каждую мелочь.

— Так и знал, что ты это скажешь. Ну что ж, так и быть. Сегодня будет утро правдивых ответов. Пять вопросов ты — пять вопросов я.

Кнеллер поставил на стол голубую тарелку с сырниками. Протянул ей серебряную вилку с узором из веточек на ручке.

— Поешь, Аня. А потом задавай свои вопросы.

Аня отрезала кусочек, медленно прожевала. Вообще-то готовил он отменно. И звание ресторатора вполне оправдывал.

Кнеллер ел вяло, в основном следил за Аней. От цепкого взгляда хотелось укрыться, но она заставляла себя сидеть прямо и не давиться едой. Кнеллер не должен насладиться ею. Не сегодня.

— Итак, — начал он, когда Аня положила вилку на тарелку и взялась за чашку с ромашковым чаем, — ты первая. Что ты хочешь узнать обо мне?

Аня прищурилась, обдумывая вопрос. Это не должно быть что-то очевидное или слишком личное — Кнеллер всё равно не скажет.

— Почему? — вырвалось у неё.

— О чём ты, прелесть моя?

— Почему я? Почему Вы выбрали меня?

Пауза затягивалась, и Аня усмехнулась. Ну конечно, он и не собирался соблюдать свои же правила.

— Какая же ты любопытная, Аня. Хочешь сразу узнать всё самое интересное? Нет, так не пойдёт...

— Но Вы обещали! — вскричала Аня, подскакивая на месте.

— Разве я говорил, что всегда сдерживаю обещания? — и Кнеллер приложил руку к сердцу, закатив глаза. — По-моему, не говорил.

— То есть отвечать Вы не собираетесь. Ясно. Я зря посчитала Вас честным.

— Честность? — рассмеялся Кнеллер. — Честность — это роскошь, доступная лишь нищим. Богачи всегда лгут, Аня.

— Вы... Вы... — Аня задохнулась, не в состоянии продолжать.

Кнеллер потянулся к плечу Ани, поправил спущенный рукав. Пальцы его, холодные и слегка шершавые, вызвали странную дрожь в теле.

— Ну вот, прелесть моя, ты вернулась. И твой перечный аромат тоже. Презрение — такое прекрасное чувство.

Аня сбросила с себя руку похитителя. Он не разозлился — лишь понятиливо усмехнулся.

— Можно ещё один вопрос, господин... Нет, Питер.

— Сейчас моя очередь задавать ... — начал Кнеллер и осёкся. — Как ты меня назвала?

— Вы вчера просили называть Вас по имени. Вот, я это делаю. Так что за перечный аромат Вы имели в виду? Мне правда не терпится узнать, Питер.

Снова пауза: тягучая, неудобная. И — тихий ответ:

— Представь, что в мире есть существо, которое видит ненависть и чувствует, как пахнет любовь. И представь, что одна из девушек на Земле пахнет особенно ... ароматно. А потом подумай, Аня, что это за существо.

То, что он сказал, никак не укладывалось в голове. Аня стукнула чашкой об стол и поднялась со стула.

— Куда же ты, прелесть моя? Я ещё не задал свои вопросы.

Он силой заставил её сесть и скользнул по губам голодным взглядом.

— Никогда не смотри на меня так, — не выдержала Аня. — У тебя нет этого права.

Кнеллер так и просиял.

— Тебя так легко разозлить, прелесть моя. Но в такие моменты ты хорошеешь ещё больше.

«Если я его ударю, он ответит? Он ведь обещал не трогать меня, да?».

Аня сжала кулаки. Боль от впившихся в кожу ногтей немного отрезвила. Кнеллер — не тот противник, на которого можно кидаться.

— Я хочу к себе. У меня... голова раскалывается.

— О, конечно! Но не раньше, чем я узнаю твою самую сокровенную мечту.

Аня поджала губы. Вот же докопался, психопат! И тут... её осенило.

— Я всегда хотела стать учительницей. Но один сумасшедший ресторатор решил, что мне больше подходит роль его спутницы.

Видеть разочарование в глазах Кнеллера было... приятно. Ну, что теперь, экспериментатор?

Что-то неуловимое мелькнуло в его взгляде. Кнеллер придвинулся ближе и вдруг накрыл её губы своими.

Анины ладони упёрлись в грудь Кнеллера. Слишком слабо, чтобы оттолкнуть. Он целовал напористо, но при этом очень нежно. Не пытался залезть языком в рот и не шарил по телу жадными лапами. Он просто... брал своё.

Сердце почему-то знало, что Кнеллер прав. Оно билось на пределе возможностей, заставляя кровь приливать к лицу. Голова кружилась, а тело сладко обмирало. Хаос в голове разрастался, заполнил сознание и взорвался осколками стекла.

Кнеллер отстранился, тяжело дыша. Взгляд вильнул в сторону, рука задела край тарелки. Он щёлкнул пальцами и исчез.

Аня задумчиво смотрела в пустоту. Кнеллер, сбегавший молча, — это что-то новенькое.

Она взяла свою грязную тарелку и тщательно её вымыла. Вода струилась сквозь пальцы и с шумом уходила в слив.

— The Show must go on! — тихо пропела Аня строчку из песни Queen.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.